

ПЕТР ИНГВИН

ЗИМПАСЬ

КНИГА 6

Как я был стрелочником

16+

Петр Ингвин
Зимопись. Книга шестая.
Как я был стрелочником
Серия «Зимопись», книга 6

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33763105
SelfPub; 2022*

Аннотация

Заключительная книга саги о любви и жизненном выборе. «... Слово – оно живое, оно часть меня. Не исполню слова один раз, и никто не убедит, что нельзя не исполнить второй. Нарушенное слово – худший из наркотиков...» (Дизайнер обложки Галина Николаиди)

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	28
Глава 4	42
Глава 5	58
Глава 6	82
Глава 7	98
Глава 8	110
Глава 9	128
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Петр Ингвин

Зимопись. Книга шестая.

Как я был стрелочником

И вот подходит наша книга к желанному концу. Осталась у нас с вами одна последняя часть. И вот она перед вами. Она заключает в себе то, чего бы крайне не хватало, если б наша жизнь была только такой, какой мы вам сейчас преподнесли.

М.Зоценко «Удивительные события»

Часть первая

Спасатель

Глава 1

Небо без проводов. В который раз восхищаюсь. Небывалое зрелище в моем мире. Чтобы увидеть, нужно выбраться за пределы города и главных трасс или попасть на свалку. Здесь же никому в голову не придет, что можно жить под стальной паутиной и не чувствовать себя пойманной мухой.

Конь шел резво, не замечая двойной ноши. Поздне-весеннее солнце ничем не отличалось от летнего, которое равнялось для меня далекому южному.

– И как удачно куда-то подевалась Томина подружка с твоим лицом и именем, не правда ли?

Ася умолкла. Мне, болтавшемуся за спиной цариссы, ответить было нечего. Оправдываться, искать варианты вывернуть все наизнанку и выпутаться? Судя по настрою цариссы – бесполезно. Если она собрала столько народу и лично отправилась к Верховной царице за приказом изъять меня из сестыря, одними словами не отделаться. Нужны доказательства, и весьма убедительные. А их нет. Любой, включив логику, мог сложить убийственную для меня цепочку, просто

Ася додумалась первой.

А Тома?! Укрывательница черта, нарушительница чуть ли не главного закона этого мира. Теперь погибнут все – я, сестренка со своими амбициями, Юлиан с грезами о любви, которого тоже примут либо за скрывавшегося черта, либо за сообщника, и Зарина – со всеми нашими едва проклюнувшимися мечтами. Дядя Люсик не дожидается сына, Шурик – помощи, Малик не сможет ее оказать, не зная где и как. Все пошло прахом по причине, которая постоянно лежала на виду: ничто, построенное на лжи, не ведет к счастью. Не приводило, не приводит и никогда не приведет.

– Придумываешь, как выкрутиться? Не трать силы. В моем подземелье сидит некий Дорофей, пособник врагов равновесия. Прежде, чем ему вырвали язык и выкололи глаза, парнишка сообщил много любопытного, однако у него не хватило фантазии свести факты воедино. Я до сих пор не пойму: как мальчика не отличили от девочки? Поздравляю, ты невероятный везунчик и очень хороший актер.

Ася обернулась, словно желая убедиться в могуществе моего лицедейства. В ее глазах стоял мрак. Не черный, а какой-то серый. Мокрый и злой.

Если б сказанное говорилось для принятия немедленных мер, их приняли бы заблаговременно. Закон бы уже исполнился.

Об этом стоит подумать. Получается, что от меня что-то нужно? Поэтому серый мрак в глазах цариссы внушает не

ужас, а нечто странное, похожее на жалость. Во мраке пряталась боль.

У меня даже оружие не отобрали. Нож цариссы Аси тоже почти у меня под рукой: одно движение, и она – труп, а я – всадник, готовый ускакать, куда заблагорассудится.

Это если забыть об отряде, направившем на меня не только взгляды, разнообразные по степени ненависти, но и множество металлических изделий разной степени остроты. Неужели Ася им рассказала?

Вряд ли. Она ненавидит чертей, но я ей зачем-то нужен. Просто подожду, и все само разъяснится. А может и рассосется.

На душе посветлело.

Долгое время мы ехали молча. Меня ни о чем не спрашивали, я тоже не горел желанием вести дискуссии с людьми, которые не признают во мне человека. Их закон гласит: «Если я встречу падшего, я убью его» и «я жесток и беспощаден с преступниками, ибо преступивший закон сознательно поставил себя вне общества – общество обязано ответить тем же». Еще недавно я восторгался последней догмой, она казалась панацеей. Забылось одно: на непрочном фундаменте дворцы не строят.

Отряд переночевал в цекаде, на следующий день мы опять ехали без остановок. Места ночлега здесь расположены в расчете на две скорости передвижения: степенно-солидную и быструю. Люди, которые желают получить от пути удоволь-

ствие, и грузы, что боятся тряски, путешествуют от одной стоянки до следующей. Если же выехать на рассвете и поторопиться, за световой день можно миновать два перегона. Мы желали быстрее достигнуть некой цели, потому спешили.

Когда развилка на Асину вотчину Льна и Тканей осталась по правую руку, обозначилась цель поездки: мы едем к Томе.

Скорее, за Томой. Чем ей грозит наш визит, я понимал прекрасно. Кроме как убить цариссу и броситься навстречу с криком «Все пропало!» других планов мне в голову не приходило. Все-пропальчество из нас с корнями выдирали в невестории, доказывая, что это не выход, а вход в еще большие последующие неприятности. Также не надо забывать про взгляд с прятавшейся внутри болью и про все еще живого меня за спиной цариссы, вовсе не склонной к сентиментальности. Значит, подождем без резких движений.

Вокруг тянулись уже знакомые поля и леса. Вотчина Западной границы. Имение Томы и ее стартовая площадка на верхушку власти – как она думает. Теперь честолюбивым планам пришел конец.

А если мы едем торговаться? К примеру: дочка Аси тоже решила пробоваться на царицу. Вполне достойный вариант, я бы за Марианну проголосовал... имейся у мужчин право хоть что-то решать в этом мире. Как я понял, Ася входит в управляющий страной «клуб по интересам», и если она решит пристроить доченьку на теплое место, ей мало кто воз-

разит. У Тома, которая на сегодня лидирует, появится еще одна конкурентка. Сейчас у Аси в кармане... ну, за спиной, прекрасный козырь. Томе бить нечем. Возможен обмен: моя жизнь на сход Тома с дистанции.

Вопрос: согласится ли Тома? Один раз она уже выбирала. Собственная армия в обмен на мое личное счастье. Итог удручающий.

Если меня не станет, Томе останутся Юлиан, титул, вотчина, полностью развязанные руки и великое будущее. А проблемы исчезнут.

Не исчезнут. Она – укрывательница. Если мы действительно едем торговаться, а моя жизнь – разменная монета, то у Тома положение безвыходное. Ей придется согласиться на все.

Еще непростой вопрос: простит ли она мне эту сделку?

Меня трясло позади всадницы, руки держались за украшенный бронзовыми пластинами пояс. Ничего хорошего впереди я не видел. Быстрее бы домой – который с большой буквы. Только Зарину разыскать, и гори все синим пламенем. Пусть мне со всех сторон твердят, что через портал обратного пути нет, но так утверждают те, кто хорошо устроился в новом мире. Назад им не нужно. Им так спокойнее – думать, что возврата нет.

Кто ищет, тот найдет.

– Марианна сбежала, – упало с губ полуобернувшейся цариссы. Кожа вокруг ее глаз пошла морщинами, похожими на

трещины. Словно вмиг постарела. – Связала в мешок одежду с оружием, скрепила пару бревен и отправилась по течению на ту сторону. Я узнала об этом поздно, из записки.

Я чуть не поперхнулся. Всего ожидал, но такого...

Мало ей приключений?! А ведь сам научил на воде держаться. Еще радовался успехам царевны.

Комок ей в кашу и пенку в молоко, она же к коняziu отправилась! Вспомнился разговор купавшихся мальчишек: «Говорят, он теперь бой-бабу хочет: чтоб и на коне, и мечом, и притом – баба». И более конкретное девчоночье: «Конязь ищет не просто наложницу, а боевую подругу. Если незамужняя от пятнадцати и старше, чиста телом, быстра умом, без разной обузы и еще девица, любая может показать себя».

Марианна отправилась показывать. Увидела, какими глазами правитель на ее мамашу глядел да какие перстни носил...

– Нужен проводник. – Голос цариссы стал глуше, а тон чуть добрее, он уже не выдергивал конечности с корнем, а только ломал и выкручивал. – Ты бывал за рекой. Тебе легче найти Марианну... и забрать.

– Если она захочет возвращаться.

– Именно. Уговорить сможешь только ты. Она же из-за тебя.

Так становятся виноватыми в том, чего не совершали. В поиске и назначении ответственных за то, что с ними случилось, женская логика безупречна. Лучше не спорить, иначе

окажешься виновным еще в чем-нибудь. Отрицание женской правоты – уже преступление.

Я спросил:

– Как мы переправимся?

– Не мы. Царица дала позволение тебе одному.

– Вы ей рассказали?! – Одежда вмиг пропиталась холодным потом.

– Усеченную версию. Лгать царице – себе дороже. Никогда никому не лги. Можешь недоговаривать...

Правило, составлявшее немалый перечень, из ее уст уже звучало, и я на миг отвлекся. Тома и остальные снова в опасности. Если Тому допросят с пристрастием...

Я вновь сосредоточился на Асиной речи.

– Пришлось сказать, что дочка по уши втюрилась в невестора цариссы-молокососки и сбежала через Большую воду. Верховная в курсе, что там творится. Экспедицию посылать нельзя, такие действия равны объявлению войны, это мгновенный конец равновесию. А Марианна не вернется, если ее не привезешь лично ты. Мне дали полномочия вытащить тебя из сестыря и переправить за реку. Понимаешь, что жизнь Тома теперь зависит от тебя?

А было ли иначе в последнее время?

– Понимаю. – Я нахмурился.

Каждый человек по своей природе – двуличный. Вторая личность появляется, если окружающие злоупотребляют первой. Сейчас мое лицо изображало задумчивое смирение,

а мозг работал на пределе: как вырुлить из ситуации с минимальными потерями? Этого второго, который сидел внутри, я показывать не собирался. Если выход существует, второй «я» найдет его и спасет всех. Если же нет... Тогда крышка обоим.

Попахивало шизофренией.

И вообще – попахивало.

Царисса горько усмехнулась:

– Теперь, Сусанин, все зависит от тебя. Много жизней, включая твою собственную. Оценил масштаб трагедии?

– Если я Сусанин, то подозреваю, что вам известно, куда я заведу.

– Ну, веди как Афанасий Никитин, – отмахнулась царисса. – Впрочем, ты прав, Сусанинский вариант меня не устраивает. Все свидетели, свои и чужие, сгинули, и даже неясно, кто обо всей истории рассказал. Если ты тоже надумаешь сгинуть, напомню про остающихся близких. Против Никитина ничего не имеешь? Он везде побывал, выжил и вернулся. Самое то.

– Неправда, он тоже архиподозрительнейшая личность, я не так давно читал про него. – Теперь скрываться смысла нет, можно смело блеснуть знаниями. – Когда этот знаменитейший путешественник плыл в Персию, под Астраханью попал в руки татарам. Жизнь со здоровьем остались при нем – в отличие от материальных средств. Возвращаться на родину без денег было несподручно, и Афанасию стукнуло в голову

совершить заграничное турне. В Индию. Чего мелочиться? В дороге он по нескольку месяцев жил в разных городах и селениях, купил породистого жеребца, чтобы подороже перепродать в Индии... Напомню: речь идет про обчищенного до нитки человека.

Ася удивленно косилась и, кажется, зауважала описываемую личность.

– Жеребец, видимо, был родственником курочки Рябы и тоже нес золотые яички, иначе не представляю, как, побродив по Индии, перед отправкой домой можно прикупить мешочек бриллиантов. Не скажу, было ли такое в норме для всех путешественников того времени, но у Афанасия получилось именно так. Под Смоленском сей деятель умирает, а его записи оказываются в Москве и заканчиваются изумительной фразой: «Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного и Иисуса Духа Божия. Аллах Велик». Нормально?

Ася скривилась:

– Предупреждаю: еще одна история из прежней жизни – и мой меч обретет собственную волю.

Вдали замаячил каменный силуэт в форме пальца, и мы вдруг съехали с дороги.

– Сразу на границу? – догадался я.

– Нельзя терять время.

– Мне нужно переговорить с Томой.

– Я вызвала ее, мы встречаемся за холмом. – Ася махнула куда-то вперед. – Не нужно, чтобы все видели, кто и куда

едет.

– Мой переход реки для остальных должен остаться тайной?

– Томе сказать можно. Для того вы и встретитесь – вдруг в последний раз? Все же, я надеюсь на твой успех. Не представляешь, какую бучу я затею, если не вернешься.

– Дело может затянуться.

– Торопить тебя никто не может – кроме внутреннего голоса. А он должен постоянно напоминать, что с каждым часом ситуация для твоей подружки меняется в худшую сторону.

За холмом нас уже ждали.

Я думал, придушу на месте за предательство, но нет. Увидевшая меня Тома бросилась на шею:

– Чапа!

Мои руки механически ответили, а через миг уже обнимали по-братски. На обиженных воду возят. Тома такова, какова есть, и больше ни какова – вот данность, бороться с которой бессмысленно. Тем более, обижаться.

Тому сопровождала Грозна с «мужьями». Сейчас все выглядели как заправские войники – хорошо подобранные доспехи блестели, шлемы сияли, бело-синие с красным цвета сразу лезли в глаза.

Дяди Люсика и зверей не было. Возможно, это и к лучшему.

Тома по-настоящему соскучилась. А также ее разрывало

от новостей.

– Объезд башен только намечается, а предложения уже идут! Знаешь, кто выразил желание стать моими войницами?

– Ты как ребенок.

Тома продолжала пузыриться радостью:

– Слишком эмоциональна? Так ведь есть повод!

– Я не про это. Ты как ребенок спрашиваешь: «Знаешь, кто? А знаешь, что?» Если бы я знал, то зачем слушать? Давай к делу, без вопросов.

– Зануда.

Наши мысли витали в разных мирах. Мои готовились к переходу реки, Тома тешила честолюбие.

– Только из известных тебе особ ко мне хотят Кристина Есенина, Майя Береславина, Феофания Ульянина, Софья Сусаннина, Александра Пелагеина и даже Амалия Фаинина. У них всех есть старшие сестры, активные матери и минимум шансов на корону.

– Веселая компашка подбирается.

Если с моей экспедицией за реку все каким-то образом уладится – как потом жить внутри этого гарема? С каждой из перечисленных меня связывает кусок жизни. Микроскопический по времени, но не по накалу эмоций. Непростая у меня будет жизнь по возвращении. Нужно или домой быстрее смываться, или, если отсутствие обратного пути подтвердится, с Томой в крепость переезжать.

Кольнуло: а Зарина? Если у Тома все сложится хорошо и крепость станет принадлежать ей, то зачем я там, и смогу ли выбираться при необходимости? По окончании послушничества Зарина обещала ждать меня в темном доме. Где он находится? Я даже не спросил.

– Не слыхала, темный дом – он в чьей вотчине?

Тома затрясла локонами:

– Какая разница?! Вообще, ты слышишь, что говорю? Еще несколько человек пока думают, а кроме них ко мне собрались целых восемь сестер царисс – взрослых тетушек-царевен, которые тоже разочаровались в вечной роли второго плана!

Ясно. Слухи о Томиных подвигах разнеслись и разрослись, превратились в легенды, и за возможность примазаться к ним люди готовы рискнуть устроенными жизнями. Авантюра в обмен на покой – предсказуемый выбор скучающих организмов, которые хотят всего и сразу. Узнаю себя в молодости. То ли дело сейчас, когда я большой и взрослый, как командир Красной Армии Гайдар – как известно, в моем возрасте он командовал дивизией.

Тома оглянулась и потянула меня в каменные торосы:

– Пойдем, прогуляемся.

Близость гор ощущалась во всем: разбросанные по округе скалистые нагромождения торчали из земли, как сорняки в засеянном поле, ветерок здесь овевал более прохладный, чем даже в соседней вотчине. Дремучие леса исчезли – дере-

вья превратились в хилых карликов-монстров, напоминавших раздавленных пауков.

Мы направились за ближайшие большие камни. Ася подозрительно посмотрела вслед, но ничего не сказала. Отвернувшись, она подозвала кого-то.

Тома на ходу распорядилась:

– Ждите меня здесь.

– Но... – Грозна указала глазами по сторонам.

Косившееся на нас воинство Аси не пылало дружелюбием. Тома отмахнулась:

– Перестань опекать меня как ребенка! Чапа со мной, мне ничего не угрожает. Если что, я сама за себя постою.

Грозна явно собиралась сказать что-то еще, но пожала плечами и отвернулась. Зря Тома так с бывшей командиршей. Если не приказывать, а просить, жизнь будет проще и, возможно, длиннее. В плане выживания Грозна знает и умеет намного больше нас всех, вместе взятых. Нужно было хотя бы дослушать.

Когда вокруг из живого осталась только куцая растительность, Тома вскинула на меня странный глубокий взгляд. Такой я ее еще не видел.

– Я только что вернулась. – Голос снизился до шепота. – Со мной разговаривали представители настоящей власти страны.

Позади хрустнул камешек под чьим-то сапогом – воительница Инна, кося изуродованным глазом на расплоскованном ли-

це, вместе с еще двумя бойцами следовала в некотором отдалении.

– Мы хотим остаться наедине, – сурово бросила Тома.

– Это невозможно. Мне велено отвечать за вашу безопасность.

Тома вспылила:

– У меня есть своя охрана! Приказываю оставить нас!

– Простите, царисса, но я подчиняюсь только своей хозяйке.

Лицо у Тома пошло пятнами.

– Вы со своей хозяйкой обе находитесь на моей земле. – Ярость в последний момент уступила место рассудку. – Приказываю вам удалиться.

Круто. И совершенно без толку. Страшное лицо воительницы растянулось в оскале:

– Вынуждена напомнить, что вотчину во временное пользование дает Верховная царица, она же может забрать в любую минуту. На даже этот довод сейчас ни при чем, поскольку царисса Ася в данный момент выполняет высочайшее поручение. Выходит, что я выполняю распоряжение самой царицы, а это выше мнения переполненной самомнением соплячки.

– Что ты себе позволяешь?! – Тома схватилась за меч.

Хорошо, что не вытащила. Инна только посмеялась:

– Давай. Знаешь, сколько таких выскочек я пережила?

– Они умерли со страху, когда увидели твою рожу. Или со

смеху. – Позади Инны раздался ритмичный стук.

Войница резко обернулась. Сзади к нам неслышно подошла Грозна и теперь спокойно стояла, постукивая по голени обнаженным мечом.

– Царисса Тома, мне показалось, что здесь я принесу больше пользы. Пришлось нарушить приказ. Готова понести наказание.

– За послушание объявляю выговор, а за правильное реагирование на ситуацию будешь вознаграждена. – Тома ехидно поглядела на Инну и распорядилась: – Грозна, обеспечь нам, пожалуйста, возможность нормально поговорить.

«Пожалуйста». Другое дело.

На стычку Инна не решилась, она и ее люди отступили – ненамного, но для нашей цели достаточно. Оружие осталось в ножнах.

– В этом мире правит не Верховная царица! – зашептала Тома.

– Знаю.

– Откуда?!

Скрывать смысла нет, меня там опознали, и опознала именно Ася.

– В сестыре случайно оказался в нужном месте в нужное время. Ася среди них, ты в курсе?

Тома кратко кивнула:

– Она должна быть там, она же ангел.

– Кто еще, кроме нее?

– Пока не могу сказать. Со мной встречались две цариссы. Меня пригласили в клуб. Объяснили основы поведения. Если ничего не случится, следующей царицей выберут меня!

«Клубом по интересам» навскидку назвал это собрание Каур. Он попал в точку. Именно клуб. И интересы общие. И еще какие.

Вспомнились сомнения, которые звучали у них при обсуждении. В такой ситуации я бы не оптимистил, но разве Тома примет догадки в качестве довода? Фактами ее сейчас не вразумишь.

– Метишь в царицы – выходит, домой больше не собираешься? – задал я главный вопрос.

– Домой? Чапа, включи мозги. Мой дом – здесь. У меня феодал, а впереди светит царство. У меня есть любимый человек и могу взять еще двух. Что ты можешь предложить взамен?

– Нам поможешь?

Взгляд Тома смягчился.

– Всеми силами.

– Лишь бы не оказалось поздно. Ася знает, что исчезнувший ангел Чапа – это я. Могут узнать и другие.

– Это худшее, что могло произойти.

– Это еще не худшее.

Ох, бедна фантазия у сестренки.

Тома сощурилась.

– Говоришь, только Ася знает?

Она оглянулась на сопровождавшее меня воинство. Много. Царисса Ася подготовилась ко всему.

Тома обратила лицо к башне, откуда можно привести подмогу.

– И думать не смей, – тихо выговорил я. – Ася умнее нас обоих, она не могла не подстраховаться.

Тома гневно выдохнула:

– Жаль. Это было бы лучшим решением.

– Лучшим для несдержанной девчонки и неприемлемым для будущей правительницы.

– Глупости. – Самое обидное, что Тома действительно так думала. – Если узел нельзя распутать, его разрубают.

– Пока меня не будет, постарайся не рассуждать таким образом. Знаешь, куда меня отправляют?

Тома кивнула:

– Передали, что Марианна исчезла, и ты снова отправишься спасать. Точнее, в очередной раз возвращать блудную дочку в лоно семьи. Смотри, не загуляй там с ней. Мне еще разборок с опозоренной мамашей не хватало.

Делиться радостью, что я нашел Зарину, расхотелось.

– Тогда, до встречи.

Мы крепко, но холодно обнялись. О Шурике Тома даже не спросила.

Глава 2

Долго ждали тумана, без него я отказывался переправляться. Глядельцы на той стороне не дремлют ни днем, ни ночью. Даже если не смотрят специально, могут заметить случайно. Или меня могут увидеть непредвиденные свидетели вроде купающейся малышни. Или купцы-гости. А после недавних событий я бы на месте конязя на повороте реки, куда выносит течение, установил постоянный пост наблюдения. Скоро узнаю, мыслит ли он так же.

Разбитый на ночь лагерь вечером увеличился – к цариссе прибыло подкрепление. Предусмотрительная. Я еще не переговорил с Томой, а дополнительный отряд уже двигался следом.

В лагере я чувствовал себя чужим. С меня не спускали глаз, по надобности отпускали только в ближние кусты. Зато кормили на убой: вода ледяная, и моему организму требовался запас жира. Хотя бы в виде топлива.

Мешок с вещами, оружием, доспехом и небольшим запасом продуктов стоял собранным, рядом на берегу ждало бревно. Царисса предлагала два, чтобы я лежал между ними на поперечных веревках. План хороший, но опасный. Я отказался. Два параллельно плывущих бревна привлекают больше внимания. Я хотел доплыть и вернуться живым. Бревно оставили одно, но большое, к нему прикрепили веревку-страхов-

ку – мне вспомнились судороги Марианны. Нелепо и обидно, если на середине реки что-то подобное произойдет со мной.

Среди ночи лагерь навестили пограничники, Ася объяснила им свое присутствие на границе приказом Верховной царицы. Все претензии исчезли, нам пожелали удачи и больше не беспокоили.

Наступил следующий день, затем еще один, и еще не один. Время шло, ничего не происходило – идеальная погода с яркими звездными ночами будто издевалась над нами. Тумана мы так и не дождались. На десятый день, когда нервы у всех просто искрились, хлынул ливень.

– Сейчас, – объявил я.

Под жутким вертикальным потоком мне помогли столкнуть бревно с привязанным мешком, я резко окунулся в воду и поплыл.

Не вода, а лед, только жидкий. Руки вцепились в бревно, ноги истошно взбивали окружившую меня плотную массу, чтобы хоть как-то греться. Повторное форсирование русла оказалось не столь продолжительным. В конце концов, дрожащий и синий, я отвязал мешок и некоторое время шагал в воде в обратную сторону в поисках места покочевряжистой, чтобы не просматривалось, затем долго сидел под развесистым деревом, скукожившись в позе эмбриона. Огонь разжигать нельзя, одежда мокрая, согреться можно только движением и растиранием, чем я и занимался.

Конкретного плана действий у меня так и не созрело. Все

дни ожидания в голову лезла сплошная дребедень, разбиваемая первым же мыслительным усилием. Понятно, что двигаться нужно вглубь леса, после чего, когда дежурные глядельцы окажутся позади, повернуть в сторону единственной хорошо известной мне деревни Зырянки. Там сориентируюсь, что делать дальше. Варианта два: выдать себя за гостя, как здесь именуют купцов, или найти кого-то из Немирова семейства. Если кузнец вернулся, то, может быть, оценит, что возвращение произошло благодаря моему вмешательству. Любу мне было жалко, а встречаться с ней не хотелось. Постник тоже ко мне дружеских чувств не питал, просто терпел. Мелкий Урюпка уже тогда строил из себя взрослого – значит, будет стоять за родных. То есть, против меня. Фенька поддержит всех, лишь бы не ссорились, это хоть какой-то голос в мою пользу, пусть не полноценный (если разделить на всех, мне достанется только часть голоса), но уже что-то. Елка... Кто ее знает. Девчонка себе на уме. Взбалмошная и непредсказуемая. Может встать за меня горой, а может ножиком пырнуть, и в обоих случаях будет чувствовать себя правой. Даже если эти два события произойдут одновременно. Еще есть вариант с мастером Драком. Кто-то из них мог слышать о втором пришествии Марианны.

Теперь посмотрим с другой стороны. Куда могла направиться царевна, когда оказалась по эту сторону Большой воды? Конязь живет в Еконограде, до него незамеченной не дойдешь. Лицам женского пола без мужчин ходить запреще-

но. Если она сумеет куда-то пробраться, то, наверняка, в Зырянку. Рассмотрим ту же компанию, кто как отнесется к появлению сбежавшей невесты отца.

Немир, если жив и здоров, доведет дело до конца, и с мечтой о «боевой подруге правителя» царевне можно распрощаться. Возможно, я успею попасть на свадьбу.

Если с Немиром расправились раньше, чем за его поиски взялся конязь, главой семьи стал Постник. У парня два варианта: помочь Марианне или сдать ее папам. Если он законопослушен и не хочет проблем, то сдаст обязательно. Если обижен за отца и деятелен – поможет. Зависит от убеждений. Также играет роль дело случая и настроения. Прогнозированию не поддается.

Люба. Она считала Марианну соперницей. Узнав, что царевна едет к конязю, может помочь. У Любы есть сестра-близнец в Еконограде, туда и отправит. Но если Люба обижена на сбежавшего муженька...

Н-да. Царевне может достаться из-за меня.

Урюпка, Фенька и Елка ничем не помогут, у них нет ни права голоса, ни возможностей. Больше никого Марианна не знает, кроме нескольких солдат, а также повара с поваренком из пограничной крепости.

На ее месте я бы удостоверился в отсутствии Немира и обратился к Постнику – днем он в кузнице один. Или к Любе – она днем дома одна.

Это я бы на ее месте, а что взбрдет в голову царевне? Что,

если она просто пойдет к папам и объяснит цель, с которой прибыла?

Лучше бы ей податься к солдатам. Еще лучше – к дружинникам конязя. Вот оптимальный вариант. Но их где-то нужно подловить, для этого – долго сидеть в засаде, никому другому не попасться на глаз и успеть все объяснить до того, как накажут за нарушение устоев в виде гуляния в одиночку.

Дождь закончился далеко за полночь. Тучу унесло, влажное умытое небо расцветилось звездами. Ночью здесь бояться нечего – нет ни волков (про них местным известно – значит, где-то водятся, но не вблизи, иначе принимались бы меры), ни змей, ни чего-то прочего из той же опасной серии. Если только в яму свалиться, но для этого достаточно идти аккуратней. Главное – идти. Что я и делал. Но не получилось. Тело дрожало, ноги передвигаться отказывались, в голове шумело. Похоже, я простыл. В столь ответственный момент. Глупо.

В какой-то момент я понял, что без огня погибну. Одежда прилипла, мешок стал неподъемным. Еще немного, и встать не получится.

Нос уловил запах дымка. Была не была. Кто бы это ни был. Иначе...

Волочившийся мешок дребезжал, под ногами трещало, но мне стало все равно. Цель – дойти до костра. И упасть. И будь, что будет.

Я упал раньше.

– У него озноб, – раздалось над головой. Чья-то ладонь коснулась лба. – Горячий.

Больше я ничего не помню.

Глава 3

Мир ходил ходуном. Глаза в меру возможности сосредоточились, перед ними обнаружили склизкие доски, сверху из квадратного отверстия бил свет. Я лежал в дурно пахнущем деревянном помещении, заваленном всякой всячиной. Выгнутость стен и покачивание объяснили, что я на корабле.

– Очнулся? – Надо мной склонился темный мужской силуэт.

– Где я?

– Встречный вопрос: кто ты? – Голос с хрипотцой принадлежал немолодому мужчине.

– Чапа.

– Это имя такое?

В голову ударило: дурень! Даже намек не должно быть на ту сторону реки, здесь меня звали по-другому.

– Ваня, – поправился я. – Чапа – прозвище.

Я попытался поднять руку, но сделать этого не смог, руки оказались связанными. Не перетянутыми до остановки крови, а ровно настолько, чтобы взятый на борт незнакомец, придя в себя, не доставил случайных хлопот.

Меня расположили в трюме на подстилке между нагромождениями сундуков, непонятной рухляди и полных мешков, и укрыли. Липкое тело сообщило, что я много потел. Сил пока хватало исключительно на движения конечностей.

ми и на легкие повороты, голова кружилась. Сколько я пролежал без сознания?

– Откуда мешок с оружием и доспехами? – продолжился допрос.

– Это мои вещи.

– Не морочь голову, Ваня. Рассказывай, чей ты и откуда.

– Из семьи Немира, кузнеца.

– Это где же такой обитает? В городе?

– Деревенские мы. Зырянковские.

Судя по вопросу, человек, который со мной разговаривал, не имел понятия о внутренних делах княжества. Это подняло дух. Легенда могла пройти.

Но не прошла.

– Хочешь сказать, что у подмастерья деревенского кузнеца могут быть Терентьевский нож и щит Афонинской работы? Или скажешь, ты их сам выковал?

– Щит мне Селиверст Афонин подарил! – выдал я.

И прикусил язык. Если спросят, как именно подарил, версия о Немировском подмастерье пойдет прахом. Или придется рассказывать все.

– Хорошо сваливать на человека, о котором все знают, что он погиб. – Силуэт надо мной хмуро покачал головой.

– Погиб?! Как?

– Ушкурники, если ты почему-то не слышал. И не мог такой скаредный жучара кому-то что-то дарить просто так. Я его знал. Мы с Афонинскими и Терентьевскими ведем дела

много лет.

– А вы откуда? – посмел спросить я.

– Еще с тобой не разобрались, – отрезал мужчина. – Вижу, ты парень ушлый, может и был подмастерьем, но украл дорогие вещички и сбежал, да болезнь подкосила. Так?

– Нет.

– Вижу, правды не добьемся. Отдать тебя папам?

В ответ на мою заминку человек улыбнулся:

– Так я и думал. Предлагаю сделку.

Тон, которым произносились слова, приятным не был, и сделка, судя по всему, хорошего не сулила. Но от меня ждали ответа.

– Какую?

– Про мешок забываем, будто не было, на таможах выдают за своего, а ты молчишь. Лечение и еду отработываешь, и через шесть лун свободен, как ветер в поле. Если честно, я давно скормил бы тебя рыбам, да команда поредела, помощники нужны.

– У меня есть выбор?

– Конечно. Рыбы ждут.

– Ваше общество мне симпатичней.

Голос капитана подобрел:

– Договорились. Сегодня еще отлежись, с утра начнешь работу на палубе. Пока не оклемаешься, перенапрягать не буду, мне нужна здоровая команда.

Капитана сменил молодой парень, который, как оказа-

лось, ухаживал за мной все это время.

– Оська, – назвался он.

Доспехи на Оське висели как на пугале. Даже не доспехи в полном смысле, а пара необходимейших элементов, что прикрывали плечи и грудь. Остальное напоминало кожаную амуницию рыцарей. На длинном худом теле защита смотрелась чужеродным элементом, парня могли пристроить в юнги без особого его желания, как меня. Выбор между службой и жизнью в таких случаях очевиден.

У челна было имя. «Везучий». По рассказу Оськи, оно себя оправдывало. Опыт капитана способствовал или размеры, но уже несколько лет «Везучему» сопутствовала удача – судно приносило прибыль и не попало ни в одну передрыгу. Не раз за ними гонялись ушкурники, но без толку – спасали спаянная боевая команда и неописуемые для здешних мест размеры. На челне имелся даже полноценный трюм, куда меня и расположили. Под низким потолком приходилось сгибаться в три погибели, Оське это особенно досаждало.

Он рассказал про команду – около тридцати человек, которых, по его словам, для челна таких размеров было мало. Капитана звали Венцемир, за ним тянулся шлейф слухов о лихом прошлом. Команда боготворила капитана, вместе с его успехами росло общее благосостояние, каждый надеялся однажды скопить на собственный челн. Оську Венцемир купил у погибавших с голоду родителей, через несколько лет Оська отработает и сможет вернуться домой, если там еще

кто-то жив.

В открытый люк я видел некоторых членов команды. При себе у каждого был короткий меч – оружие для абордажа или боя-свалки, а за спиной или в пределах досягаемости – лук. Бывалые морячки. Небольшим суденышкам речных пиратов взять таких можно только ценой больших жертв, а жертвенность в среде разбойников не в ходу. Дело Венцемира процветало, и меня на «Везучем» ждала завидная судьба обеспеченного в будущем моряка. Или речника – я еще не выяснил, как правильно называть.

Оська сообщил о перспективах сразу, словно уговаривал остаться, если капитану Венцемиру я почему-то предпочту рыб. Это напрягло. Если юнга допускает, что такой выбор имеет право на существование...

Почему мне везде мерещится подвох? Просто радуется парень, что появился кто-то младше, и шишки теперь будут сыпаться на другого.

Подвешенные на бортах щиты, частично видимые снизу, имели овальную форму. У Селиверстовой команды они были каплевидные, а в подарок мне, как чужеземцу, преподнесли круглый. Видимо, каждая местность имела свои оружейные традиции.

– Вы откуда, из какой страны... или местности? – Будь у меня немножко больше знаний, не пришлось бы выглядеть невеждой. – Я спрашиваю как обо всех вместе, так и о каждом по отдельности. Ты сам откуда родом?

– Неважно. – Оська насупился. – Тебе тоже советую забыть. Даже имя сменить, чтобы слухи не дошли.

– Какие слухи?

– Всякие. – Оська поднялся, для чего ему пришлось г-образно согнуться, и направился к лестнице.

– Развяжи, – попросил я, пошевелив связанными руками.

Оська испуганно замотал головой:

– Приказа не было!

– Но я теперь член команды.

– Все так говорят. А потом... – Он осекся и умолк.

– Что? – тихо спросил я.

– Ничего.

– Оська! – позвали сверху. – А ну тащи сюда свою тощую задницу!

Оська унесся, гулко топая по сыроватым холодным доскам.

Через некоторое время я не выдержал.

– Развяжите меня! – унесся мой крик в небеса.

В люке показалась чья-то голова, из-за резкого контраста света и тьмы черты не просматривались.

– Зачем?

– Я теперь один из вас!

– Вот и докажи – молчанием и послушанием.

Я узнал голос, он принадлежал капитану.

– Ты абсолютно свободен в пределах, которые необходимы, – объявил Венцемир. – Слишком много свободы – опас-

но.

– Слишком мало – тоже опасно.

– Именно. Полная свобода нужна тем, кто умеет пользоваться. Поэтому ты связан. Подумай над этим.

В освободившемся проеме мелькнул сворачиваемый парус – ветер переменился, а косых парусов с умением ходить галсами еще не придумали. Судя по тому, что челн не тащили вдоль берега, а движение продолжалось, мы шли вниз по течению. К большим городам, как говорил Селиверст. Вру, он не упоминал направления, большие города могли быть в другой стороне. Тогда кому же Селиверст вез товары? Без сомнений, там, ниже, что-то есть. «Везучий» тоже идет туда, и я скоро узнаю зачем.

Снова память подводит. Селиверст не упомянул количества, когда ответил на вопрос о городах. Город может оказаться единственным, как крепость в стране башен. Пусть моя миссия по спасению Марианны откладывается, но открывается сказочная перспектива узнать что-то об окружающем мире. Неплохая альтернатива казни как черта или житью в качестве живой мебели за спиной царствующей Томы.

Насчет количества городов надо расспросить Оську. Еконоград – город. Москва, откуда бежала Ясна – тоже. Нужно узнать, что в местных понятиях означает «большой город» – это любая столица или зависит от количества населения?

Час шел за часом, снаружи кипела моряцкая жизнь (или как это сказать о речниках?), а в трюме ничего не происхо-

дило. Меня сморил сон. Болезнь давала о себе знать, голова гудела и трещала, посторонние звуки едва проникали в сознание. Кажется, плакал Оська, кто-то ругался, кто-то громко топал по доскам над головой, отчего на лицо сыпались грязь и щепки.

Разбудил меня Оська.

– Особый настой на травах. – Он поставил на пол глиняную кружку. – Чтобы ты быстрее поднялся на ноги.

– Развяжи, – снова попросил я.

– Нельзя. – Одной рукой он приподнял меня под лопатки, второй поднес к губам кружку.

Горьковатая жидкость обожгла горло. Отлично, именно горячего мне не хватало. Я вылебал до дна, Оська собрался уйти. Только сейчас я сообразил, что в люке темно, а команды не слышно.

– погоди, – окликнул я парня, едва видного в темноте. – Ночная стоянка?

Он кивнул. Обязанности звали на берег, но уходить Оське не хотелось, и он радовался любой причине оттянуть этот момент.

– Все у костра, – подтвердил он. – Мне надо идти.

– Только один вопрос. Куда мы плывем?

– Плавает знаешь что?

Ясно, у местных мореманов те же заморочки, что и у наших. Несмотря на то, что моря нет. Или есть?

– Куда мы идем? – поправился я.

– В Еконоград. Завтра будем на месте.

Странно. Из района Зырянки, откуда мы отплыли несколько дней назад, Еконоград находился перпендикулярно вглубь и тоже недалеко. А из крепости-заставы на порогах, где казнили Никодима с командой, столица еще ближе, коняжь за день добрался.

– Разве Еконоград стоит на этой реке? – спросил я.

– Где же ему еще быть?

– Как называется река?

– Главная.

– Она разве не вправо заворачивает?

Место, куда из вотчины Западной границы выносит течение, находилось на изгибе. До сих пор все утверждало, что вниз по течению мы уходим от Еконограда, а не приближаемся к нему.

– Главная река петляет, – объяснил Оська. – Затем раздваивается. Еконоград стоит на мелеющем старом русле, а основное новое действительно уходит вправо.

– До самых гор?

Главная река, она же Большая вода, огибает страну башен и запирает ее, прижав к горам.

Сальные вихры Оськи помотались из стороны в сторону.

– Так далеко я не ходил, но вроде бы да.

– Почему русло называется новым? Что произошло, почему река потекла еще в одну сторону?

– В стародавние времена, до или во время первой всеоб-

щей бойни, Каиново племя прорыло перешеек и пустило воду в обход Еконограда. Им не препятствовали, даже радовались, что те земли превратились в недосыгаемые. Одним врагом стало меньше, бойня сошла на нет, с тех пор живем спокойно. Вернее, жили. – Оська печально вздохнул.

Первая всеобщая бойня в моем понимании соответствовала заречному Акопалипсу и звучала как Мировая Война. Начальная цифра в названии намекала, что должны быть другие. Оськин вздох навел на нехорошую догадку:

– Вторая бойня – то, что происходит сейчас?

– Так многие говорят. Дикая империя рушит порядок и меняет границы. Сообща можно было бы остановить, но кому это нужно, если каждый за себя?

– Дикая империя настолько опасна?

– Опасны законы, по которым она живет.

– Например?

Неужели даже местная молодежь понимает важность идеологии и что не люди, а идеи меняют мир?

Законы оказались набором фраз, но со временем они вполне могут составить новое святое писание от императора, их запишут на скрижалях, будут построены храмы. Я запомнил несколько: «Лучше делать и каяться, чем не делать и каяться», «Мы хорошие люди, но не каждый заслуживает видеть нас такими», «Если все хвалят – ты мертв», «Общественное мнение – мнение тех, кого не спрашивали», «Никогда не спорь, но доходчиво объясняй, что прав именно ты»,

«Не оправдывай слабого телом или духом. Если в зад воткнуть цветы, он не станет вазой», «Брат не всегда прав, но всегда брат», «Рожденный умереть смерти не боится». Идеально для настольного цитатника или для монастыря в стиле Шао Линя, где духовные практики сливаются с мирскими. Непонятным оставалось одно.

– Чем эти правила отличаются от других разбойничьих или, к примеру, ушкурничьих?

Оськин палец покрутился у виска:

– Совсем не понимаешь? Ушкурники умирают и убивают ради добычи, а империя сделала это смыслом жизни!

Не вижу разницы.

– Конязь уже выбрал наложницу? – На всякий случай я сменил тему.

– Ему не до того. Убегайцы бунтуют, империя у дверей, и папы свою игру ведут. Я не уверен, что конязь вообще жив. Честно говоря, я давно не интересовался Еконоградской жизнью.

Веселенькие новости. Тогда перейдем к главному.

– Ты, случайно, не слыхал про девушку, которая мечом владеет, драться умеет и вообще многим парням своего возраста в боевом искусстве фору даст?

– Такие бывают?!

– Ясно, не слыхал. Имя Селиверст что-нибудь говорит?

– Еще бы. – Оська присвистнул. – Богатый оружейный купчик, один из самых успешных в последние годы. О нем

легенды ходили. Говорят, даже с Каиновым племенем якшался, с оборотнями дружил. Почему ты о нем вспомнил? Покойник уж сколько месяцев. Свой же в засаду завел, потом коняжь об этом узнал, подлеца посадили на кол. Говорят, до последней минуты клял оборотней, которых Селиверст привечал.

Оськины ноги то делали шаг по направлению к лестнице, то замирали, перетаптываясь на месте. К костру он не хотел.

– Еконоград – большой город? – поспособствовал я его подспудному желанию остаться.

– Большой.

– Насколько?

Оська замялся.

– Просто большой. Настоящий город.

– С крепостной стеной? – Заметив непонимание, я переформулировал точнее. – Он окружен каменной или деревянной стеной? Или земляным валом?

– Зачем?

– Для защиты.

Оська удивился:

– Для защиты у коняжь есть дружина и служивые папы.

Понятно. Город здесь – не в старорусском значении, как нечто огороженное, а в современном мне понятии населенного пункта.

– Какие еще города есть поблизости?

– Откуда им тут взяться?

– Прости, я неправильно спросил. Какие еще можешь называть города?

Оська помедлил с ответом.

– Странно, что ты ничего не знаешь про коня и город, – проговорил он. – Разве не местный? – Он понизил голос до шепота. – Ты не был учеником кузнеца, да? Ты из братвы?

Оська бросил боязливый взгляд вверх – не услышат ли?

– Из какой братвы?

– А то сам не знаешь.

– В деревне, где я жил, не было никакой братвы.

– Да ладно, чего уж, мне можешь сказать, я – никому! – продолжил шептать Оська.

– Повторяю: я ученик деревенского кузнеца, и слово «братва» кроме как о родственных отношениях мне ничего не говорит.

Оська обиделся:

– Мог бы сказать. Не хочешь, как хочешь, твое дело.

Опять меня принимают за другого. Ничем хорошим такое не заканчивается.

– Расскажи, что за братва такая.

– Сам все знаешь. – Он сделал пару шагов, взявшись руками за лестницу.

– Стой! – крикнул я. – Мне нужно по нужде.

Сработало.

– Повернись на бок, – распорядился вернувшийся Оська. Он стянул с меня покрывало и приставил горшок.

– Развязывать меня, как вижу, совсем не собираются? – спросил я в разгар процесса.

Ассистирующий Оська мотнул головой куда-то вглубь трюма, в темноту.

– Только после этого.

– Оська! – заорали снаружи, с берега. – Заснул, что ли?

– Бегу!

Глава 4

Утро встретило размеренными ударами волн о деревянный борт. Снова мы были на плаву. Ветер дул попутный, в люке виднелся развернутый парус, выгнутый красивой дугой. Окружающие меня мешки наполняло что-то округло-твердое, вроде картошки. Один порвался, из дыры высыпалось несколько плодов. Их здесь называют орехами. Значит, везем местный урожай на продажу. Но орехи продают за пределы княжества, и тогда получается, что Еконоград – только первый пункт плавания.

В голове всплыл вчерашний разговор, и я вгляделся в глубину трюма. Несколько досок, прежде казавшиеся хаотичным нагромождением, бросили в дрожь. Такая конструкция была в школе царевен, затем я видел ее в сестыре. Устройство для наказаний: три дырки на уровне пояса, большая для головы, меньшие по бокам для рук. Оська намекал на нее? Бред какой-то. Я ни в чем не провинился, чтобы получить плетей. Или здесь такой ритуал, вроде «прописки»?

– Ушкурники! – разнеслось по палубе.

Поднялась беготня. А я связан. Если придется драться... как?!

Многочисленные голоса донесли подробности: ушкурники напали не на нас. Они брали на abordаж кого-то другого, менее большого и зубастого, чем «Везучий». Звон клинков

над рекой без слов обрисовал происходящее.

Прямо над люком остановились двое – капитан и, видимо, помощник.

– Их мало, – с неким намеком проговорил помощник.

Его это почему-то радовало. Но кого мало: пиратов или их противников?

– Поможем. – Глаза Венцемира были само спокойствие.

Взмах руки послужил сигналом. Челн взял левее, команда достала оружие, понеслись крики с угрозами.

– Капитан! – позвал знакомый голос.

– Оська, почему без оружия?

– У них крови нет, ни у кого!

– Что? – не понял Венцемир, но тут же чертыхнулся и выпалил: – Засада! Право руля!

В тот же миг далекий звон мечей прекратился. Судя по разговорам, которыми команда «Везучего» комментировала события, из глубин второго, «атакуемого», челна выскочило еще несколько десятков пиратов. Поворот руля ничего не дал, «Везучий» по инерции продолжил двигаться к сцепке судов, где оправдавший себя спектакль прервался на антракт. Второй акт не потребовался, придирчивый зритель крикнул «Не верю», и реальность вытеснила искусство на обочину. Команда Венцемира принялась вполголоса молиться на разные лады, а неудавшиеся лицедеи славили Великого волка и готовились к посещению Священного леса избылиия, где их поймут, простят и примут.

– Эй, любитель волосатого филе! – донеслось с реки. – Не зря назвали «Везучим», долго тебя ловили. Знали про жадность и правильно рассчитали, что на маленького полезешь.

– Ты попробуй возьми.

В голосе Венцемира лязгала сталь, но команда дрогнула. Боевого духа как ни бывало. Кто-то спросил про зажигательные стрелы, но теперь, когда столкновение неизбежно, огонь уничтожит всех. В рукопашной схватке шанс на победу оставался, на него и рассчитывали.

А я лежал связанный в трюме.

Бойню видно не было, но впечатлений хватило. Ушкурники прогадали с ловушкой. Если б команда «Везучего» высадилась на пиратский корабль, «дравшиеся» развернули бы оружие и порубили пришельцев на куски. Теперь пришлось брать высоченный корабль на abordаж. Разносились смертельные вопли, кто-то с криком падал за борт. Лязг, звон и стук не смолкали, жертв хватало с обеих сторон.

В какой-то момент установилась тишина. Тяжелые шаги по-хозяйски протопали к люку, в него опустилась длинноволосая мужская голова.

– Это у нас кто?

– Чапа, – механически представился я.

В груди похолодело. Растрепанная грива человека свисала вниз, отчего открылись некоторые подробности.

– Почему связан? – спросили меня.

– Пленник.

– Вижу, не слепой.

Так и срывалось с языка: «Вижу, иначе был бы Безглазый». Из люка на меня глядела голова небезызвестного Урвана Безухого – пустота и рваные раны за висками не оставляли сомнений.

– Живые остались? – бросил он наверх.

– Еще да.

– Одного сюда. Желательно, чтоб был поразговорчивей.

К нему подтащили раненого Оську.

– За что его? – Подбородок пирата указал на меня.

– Тать с берега, чужие доспехи украл. Кажись, из братвы.

Венцемир его перехватил.

– Ты давно у Венцемира?

– Полгода.

Урван поморщился и отвернулся, его большой палец чиркнул ногтем по шее.

Сигнал поняли. Одно движение – и Оськина голова рассталась с туловищем. На кровавый фонтан, вызвавший у меня рвотный спазм, капитан не обратил внимания.

– Значит, к нам бежал?

Вопрос лишь на миг поставил меня в тупик. Внутри все протестовало, но я кивнул.

– Развязать. Будет младшим, вместо Козявы.

Моя персона Урвана больше не интересовала. Он внимательно оглядел трюм, удовлетворенно выругался и исчез на палубе.

Ко мне спустился бородатый мужик в кожаных доспехах. Другие ушкурники, мелькавшие сверху, были одеты так же и походили на заречных рыцарей. Странно, что для боя пираты не облачились во что-то более существенное. Неужели верткость и маневренность важнее защитной брони? Тьфу, о чем я, это же бой на воде, и если в металлическом доспехе упасть в реку... Даже стеганный поддоспешник, когда намокнет, с гарантией утащит на дно – что же говорить о тяжелых латах!

– Я – Свирид.

– Чапа.

– Отлично. Настоящих имен здесь не любят, меньше знаешь, дольше спишь. Свое прошлое забудь – кем был, где был, с кем был. Отныне твоя родина – челн, а мы – родня. – Он хмыкнул. – Не бойся, не такая, как Венцемирова. Надеюсь, он не успел?

Взмахом головы Свирид указал на конструкцию для наказаний. Я не понял:

– Чего не успел?

– Повезло тебе, что к нам попал. – Свирид уже сменил тему. – И что очень вовремя попал. С Урваном не пропадешь, он мужик суровый, но справедливый. Всем по заслугам воздает. Венцемира хоть и порубили в хлам, но чтоб другим не повадно было, сейчас в лодке на колу по реке отправляют.

Свирид оказался невысоким и коренастым, особо сгибаться в трюме, как Оське, ему не приходилось. Перерезая путы,

он стянул покрывало и с удивлением обнаружил отсутствие на мне одежды.

– Что за новости? Где твои вещи?

– Здесь мешок должен быть. – Я быстро пробежался взглядом по окружающей свалке. – Вон он!

– Оружие есть?

Я кивнул. Свирид покачал головой:

– Оставь внизу, пока к тебе не привыкнут.

В этот миг я как раз вытянул и развязал мешок. Кустистыми бровями Свирида выстрелило вверх:

– Твое? Врешь! Венцемирово барахлишко присвоить хочешь? – Бородатое лицо вскинулось к люку. – Урван, глянь, чего у пацана припрятано!

Когда главарь ушкурников спрыгнул в трюм, над люком склонилось еще с пяток любопытных лиц.

– Свет! – приказал Урван, и головы, перегородившие проем, исчезли.

– Гляди. – Свирид указал на щит и нож.

Безухий силуэт склонился над вещами.

– Такие щит и нож заслужить надо. Пока заберу себе, чтобы другие не завидовали.

– А доспехи? – уныло проговорил я.

Хороший был нож. И щит, скорее всего, отличный. Даже применить не пришлось. С другой стороны... легко пришло – легко ушло. А ушло навсегда, это к бабке не ходи. Не может младший иметь материальные блага лучшего качества, чем

старший.

– Хочешь сказать, что все это – твое?

– Мое, – подтвердил я с упорством, достойным лучшего применения.

Жалко расставаться с хорошими вещами, особенно безвозмездно. Любой подтвердит.

– У кого упер?

– Какая разница? Сейчас это мое.

– Ошибаешься. Сейчас это наше, общее. Из твоего здесь только жизнь, да и та, если честно, такое же общественное достояние. Будь поаккуратней со словами, малец.

– Вы тоже.

– А ты мне нравишься. Тьфу. – Урван с силой пнул устройство для наказаний. – Не то хотел сказать. Ну ладно, вы меня поняли. Как тебя, говоришь... Чапа?

– Да.

Урвана переворошил доспехи и разрешил усталым голосом:

– Надевай, все равно такой размер никому не налезет. Но не забывай, что отныне они не только твои. Относись бережно, поцарапаешь или помнешь – заставлю оплатить или отработать.

– Я работал в кузнице. Если что испорчу, сам же поправлю.

– Можно и так, если на каком челне горячий горн с накопальной найдешь.

Разговор закончился. Меня перевели на другое судно, под названием «Тазик». В спектакле-ловушке оно изображало жертву. Никаких особых свойств у него не было, на вид – обычная грузовая ладья среднего размера. Боевой ушкой у пиратов имелся один, самый быстрый из сложившейся троицы, но самый мелкий по размеру. Его называли «Шнурок». Урван перешел на главный трофей, и «Везучий» стал флагманом. Не столь скоростной, как плоскодонный «Шнурок», «Везучий» был несокрушим, высокие борта давали возможность расстреливать команды прочих судов, а столкновение с любым другим кораблем вызывало в памяти притчу про камень и кувшин, что кто бы на кого ни упал, все равно горе кувшину.

Впервые за много дней я оказался на свежем воздухе. Болезнь прошла, осталась только общая слабость. Глаза пожирали окрестности, где я никогда не был, лицо оведал ветер. Какое счастье – после затхлого вонючего трюма!

– Еконоград?!

– А ты на что рассчитывал? – подозрительно покосились на меня.

– Хоть на что-то.

– Тогда мечта сбылась.

По меркам нового мира передо мной расстился мегаполис. На причалах суетились грузчики, в конюшнях и на многочисленных коновязях ржали лошади, десятки телег подвозили товары по нескольким дорогам. Строения – небольшие,

в основном деревянные, но виднелись и каменные. Бросилась в глаза каменная пагода со звездой, в несколько раз превосходившая размером деревянную Зырянковскую. Красивая раскидистая верхушка нависала над прочими зданиями, как Останкинская башня над родной столицей утраченного мира.

Ушкой отстал и остался где-то позади, а «Везучий» с «Тазиком», изображая добропорядочных гостей, подошли к Еконоградским причалам.

Теперь нужно сбежать. Как? А никак. Ко мне, как новичку, приставили наблюдателей, глаза у них добротой не лучились, а в пределах досягаемости находилось метательное оружие.

Очень хотелось узнать новости о конязе, папах и так далее. Но меня игнорировали, а я старался не путаться под ногами. Понадобилось грузить – грузил, понадобилось укладывать – укладывал. На сданное ненужное барахло ушкурники накупили еще орехов. Значит, мы повезем их дальше. Приключения продолжаются. Они не сходились с моими планами, но что делать. Жив, и на том спасибо.

Еконоград остался позади. За несколько дней маленькая эскадра вышла со старого русла на основное, а оно вновь привело к горам, но теперь ниже по течению. Я с удивлением наблюдал обратную сторону страны башен. Восточная граница Каинового племени ничем не отличалась от западной, та же пустынность, в которой где-то прятались дозорные

и погранцарберы. Никаких построек в пределах видимости. Дальше вниз – неприступные горы, мимо которых вода неслась с ревом, и не хотелось оказаться в таком потоке. На середине реки течение не чувствовалось, но скорость имело не меньшую. Береговые пейзажи быстро сменялись. Вплавь такую реку не пересечь, унесет к камням и разобьет. Теперь я понимал, почему страна башен практически неприступна. Но долго ли ждать, пока кто-то соберет достаточно войск и переправится на кораблях? Если все, что говорят о Дикой империи – правда, то...

Не о том думаю.

А о чем «том» надо думать? Сбежать с корабля невозможно, остальное вторично.

В прошлом Урвану принадлежало два ушкуя, но один, видимо, пал в боях. Как всегда, кто-то оказался сильнее или проворней. Сейчас наша эскадра могла достать любого: плоскодонный скоростной «Шнурок» легко и быстро передвигался по мелям и протокам, «Везучий» выступал в роли плавучей крепости, а третье судно служило складом награбленного добра.

Однажды, проходя вдоль занятой другими стоянки, мы миновали посудину-развалюшку, что неизвестно как держалась на плаву, а людей она перевозила уйму – на берегу горело несколько костров, их окружали жавшиеся друг к другу фигуры, на воинов ни капли не походившие. Издали стоянка напоминала цыганский табор. Только вместо громких голо-

сов и веселья – упадок и сгорбленная беспросветность. Ушкурники с профессиональным интересом проводили взглядами потенциальных жертв.

Едва огни скрылись за поворотом реки, корабли сблизилась, окованные якоря полетели за борт.

– Все видели? – раздался голос Урвана.

В ответ – ликующие вопли.

– Прощупаем на отходе? – поинтересовались со «Шнурка».

– Лучше дождаться, когда они выйдут и сами подставятся, – предложил кто-то более опасливый.

– А если уйдут вверх по течению?

– Там убегайцы со своим скарбом, им обратно не нужно.

Я тихо спросил ближайшего пирата:

– Куда бегут убегайцы? Их кто-то принимает?

– Они просто бегут. Думают, что где-то лучше, чем дома, – отмахнулся он. – Не мешай.

Дискуссия над водой продолжалась.

– Если там одни спасизады – зачем рисковать? Что нам перепадет?

– Они и перепадут.

Урван поднял руку, и на кораблях все умолкли.

– Нас больше, чем их защитников, – объявил он. – Намного больше. Предлагаю высадиться. Их бойцы сами разбегутся.

С ушкуя возразили:

– Спасизады тоже разбегутся. Не все, но многие. Правда, добро и челн оставят... Но главное не это. Берег – не наша территория.

Урван усмехнулся:

– Старые договоренности больше не действуют. Прежней власти конязя папы не получили, да и недолго им осталось. – В голосе зазвенели командирские нотки: – «Везучий» подойти не сможет, там мелко, и грузовой «Тазик» для наскока не создан, поэтому сделаем так: заранее окружим стоянку с берега, «Шнурок» изобразит нападение с воды, а мы в нужный момент основной массой ударим с тыла.

Рев с трех кораблей возвестил, что план понравился и принят.

Начали с ритуала. Слухи о грибах оказались выдумкой, вместо них ушкурники накачивались перед боем варевом из перетертых орехов. Чаша дошла до меня. Прикоснувшись губами, я ощутил горчайший вкус, а подбадривавшие крики заставили совершить маленький, но глоток.

Что-то вроде кофе. Крепчайший, несладкий, мгновенно бивший по мозгам. Или не кофе, а какао. Индейцы считали шоколад священным напитком и пили его горьким, подсластить додумались европейцы. Что-то похожее текло сейчас по пищеводу, выжигало его и подстрекало на подвиги. Наверное, похожим образом действует алкоголь. Его я еще не пробовал, зато со стороны неонokratно видел результат.

Меня будто искупали в ванне с электричеством. Хоте-

лось петь, танцевать и драться. Это оценили, мне разрешили взять оружие. Не свое, которое реквизирует капитан, а любое из огромного выбора, оказавшегося на корабле. Я обошелся мечом и кинжалом, внешне не лучшими, но работоспособными. Впрочем, «на дело» меня не взяли. Вместе с тремя гребцами и оставшимся за главного Свиридом я должен был помогать удерживать «Тазик» на месте, а в случае нападения – защищать. Корабли с товаром, с которых ушла основная часть команд, становились завидной добычей для других любителей наживы.

– Мужчин в расход, по остальным сами решайте, – давал Урван последние указания. – Балласт нам не нужен. Берите самое ценное.

В последний момент выяснилось, что сам он с группой захвата не пойдет. Вместе с несколькими сподвижниками капитан отправился вверх по течению на «Шнурке», и через некоторое время над рекой разнеслось:

– Говорит Урван Безухий! Скорее всего, вы меня знаете, а если нет, то спросите, и вам расскажут. Во имя Великого волка и Священного леса изобилия, где мы все еще встретимся, требую от водных людей не строить героев и поделиться имуществом. Сейчас мы пристанем к берегу, заберем понравившийся товар и никого не тронем. Если же нет...

– Ушкурник есть ушкурник, своя шкура дороже слова. Не было такого, чтоб никого не тронули. Проваливайте, если хоть немного жизнью дорожите.

Я внимательно вслушивался, поскольку события происходили за излучиной, их скрывал прибрежный лес. Оставшиеся со мной тоже слушали, при этом не спускали с меня глаз. В голове пронеслось: покажись сейчас другой корабль, кому я помог бы? В каком случае у меня больше шансов найти сумасбродную девчонку в этом море безумия и вернуться живым?

Вдали начался бой, о чем возвестили женские вопли, звон металла, крепкая ругань и крики смерти.

То, о чем я мечтал и чего боялся, произошло. Миновав сражавшихся, сверху по течению к нам неся такой же плоскодонник, как «Шнурок», откуда потрясали поднятыми клинками два десятка ушкурников конкурирующего капитала.

– Лихарь! – с тоской узнал Свирид. – Угораздило же.

Мачта на атакующем судне отсутствовала, помятые борта рассказали о не так давно проигранном бое. Теперь Лихарь с компанией брали реванш. Даже наш «Тазик» представлял большую ценность, чем искромсанный корабль нападающих, а если вспомнить про складированную внутри добычу...

– Чапа, луком владеешь?

Я кивнул, мне передали лук. Взведенные стрелы поднялись, на конечниках от пронесенного Свиридом факела вспыхнула намотанная пакля.

– Пли! – скомандовал он, когда кораблик Лихаря оказался на расстоянии выстрела.

В нас полетели ответные стрелы, не зажигательные. С «Везучего» поддержали огнем, но нападавшие приближались с другого борта, они прикрывались нами и с ухмылками готовили abordажные крючья. Двадцать против пяти. Плохой расклад.

– Священный лес изобилия ждет новых обитателей, – громко объявил Лихарь.

Его можно было узнать по горделивой начальственной позе. Довольная улыбка пряталась в бороде и усах, а сверкавшие бесстрашием глаза сообщали, что капитан, как и вся команда, находился под действием священного отвара.

Один из нападавших упал, пронзенный насквозь, вскоре с воплями скорчились еще трое. Лица оставшихся не дрогнули. Начался штурм. Прибывший корабль загорелся, но это никого не волновало. Пан или пропал. Когда первые головы врага оказались над бортом, с «Везучего» вновь полетели стрелы. Ситуация становилась безвыходной, и стрелки больше не боялись, что могут попасть в нас. И попали. Свирида проткнуло насквозь, но также не достигли цели трое нападавших. На меня ринулись сразу двое, лук стал бесполезен, но и меч не даст выстоять, он лишь отстрочит смерть. Доспехи, без которых я уже не представлял жизни, приняли на себя пару-тройку ударов и одну отскачившую стрелу. Понимая, что мне даже против одного взрослого опытного воина не продержаться, а сейчас на меня лезли сразу двое, да еще несколько были на подходе, я схватился за свисавшую с

мачты связку перепутавшихся канатов и сиганул за борт.

Последняя мысль была: «Идиот! Доспехи! Не выплыву!»

Меня резко дернуло за ноги, перекрутило и выключило с яркой вспышкой в глазах.

Глава 5

Сфокусировавшийся взгляд доложил обстановку: внизу, почти касаясь макушки, плескалась вода, а прижатое к внешнему борту перевернутое тело болталось, запутавшееся в канатах. Меча в руке не было, голова приходила в себя после удара о доски, но в целом все было замечательно. Жив!

«Везучий» продолжал обстреливать захватчиков, пираты Лихаря отвечали тем же, при этом плавно удаляясь – они подняли якорь. Из защитников на «Тазике» остался один я. Брошенный кораблик Лихаря красочно разгорался, к небу поднимались клубы дыма, из-за серой завесы к нам резво приближался «Шнурок», набитый людьми, как банка корнিশонами.

– Ты в ловушке, Лихарь! – крикнул Урван с безопасного расстояния.

– Так захлопни ее, – усмехнулся конкурент в борьбе за чужое.

На некоторое время установилась ничья. Дюжина пиратов Лихаря могла сжечь переполненный «Шнурок», если тот отважится на штурм. Был бы кораблик Урвана побольше да позащищенной...

Со «Шнурка», при везении, тоже могли поджечь захваченный «Тазик», но только ценой гибели своего корабля, если тот приблизится на расстояние выстрела.

«Везучий» уже остался вне досягаемости, взаимный обстрел прекратился, загоревшееся потушили. На плаву маленькому «Шнурку» не взять «Тазик», если хочется сохранить хотя бы один из кораблей, а при переходе команды на «Везучий» противника потом не догнать – слишком уж огромен и неповоротлив флагман Урвана. Потерявший треть команды Лихарь чувствовал себя победителем. Возможно, у капитанов были давние счеты, иначе с чего отдавать столько жизней неизвестно за что? Откуда Лихарь знал, за что борется?

Или знал? Слухами земля полнится, он вполне мог услышать о трофеях соперника и его маршруте.

– У меня огромная добыча и нехватка людей! – крикнул Урван.

Это была последняя попытка. Теперь Урван обращался не к сопернику-капитану, он переманивал команду.

Я обнаружил, что кинжал по-прежнему висит в ножнах на поясе. Нужно перерезать канат. Стоит кому-то выглянуть за борт, и ко мне придет пушистый северный зверь.

– Предлагаю службу у меня! – из последних сил кричал Урван. – Лихарь пусть уходит, я даже поделюсь с ним добычей! Каждый получит такую же долю!

Слова звучали вроде бы правильные для того, что случилось, но шансов на успех не было. Вскоре «Тазик» уйдет вместе с грузом, и никакая сила не заставит победителей встать на сторону побежденных. Завтра Урван, возможно, отыгра-

ется, но сегодня удача на стороне Лихаря.

Трудно делать что-то вверх ногами. Неправильная гравитация едва не вырвала вытаскиваемый кинжал, я едва удержал его. Теперь нужно подтянуться к ногам...

– Моих людей устроит такой расклад, если со мной случится что-то нехорошее. Как и твои с радостью перейдут ко мне, если неприятность произойдет с тобой. Может, поставим все на кон и решим вопрос поединком? – Лихарь подошел к борту и оперся на него в вычурной позе победителя. – Ставлю все свое против всего твоего, Урван, да будет свидетелем Великий волк!

Меня увидели на «Шнурке» и теперь активно показывали пальцами. Лихаря это напрягло. Он перегнулся через борт.

– Срань Священного леса, что за?!.. – Его рука потянулась то ли за мечом, то ли за луком.

Дальше действовал не я, а мой инстинкт выживания. Брошенный с размаха кинжал полетел в лицо врага. Расстояние – чуть больше метра. Всего пол-оборота длинного тонкого клинка. Хрясь! – противнейший звук разрываемых человеческих тканей...

Кинжал влетел точно в рот. Отлично, пусть я и целился в глаз. Лихарь схватился за торчавшую рукоять, его качнуло...

Сзади помогли. Хлобысь! – отправленное в полет тело ударилось о воду, и его мгновенно утянуло ко дну.

– Урван Безухий, ты победил, просим защиты и службы! – объявила команда, только что избавившаяся от невезучего

командира. – Нет никаких сомнений, что Великий волк на твоей стороне!

Великий волк, ага. Ладно, я не гордый, кем только не называли. Пожалуйста.

Прошло не меньше получаса, прежде чем «Тазик» вернули к стоянке, а меня триумфально подняли на борт. Встречал лично Урван.

– Ценю, – сказал он и обнял, как брата.

Вечерело, небо хмурилось, пора устраиваться на ночлег. Урван направил корабли к ближайшей стоянке.

О том, что это стоянка, говорили следы вытаскиваемых на берег судов, загаженные кострища и множество мусора вокруг. Дров не было, общая неухоженность бросалась в глаза. Если за нами присматривают глядельцы, то мне не верилось, что хозяевам земли сегодня что-то перепадет.

Началось с рубки дров. Меня оставили у челна – таскать припасы, устанавливая котлы... В общем, на побегушках – помогать всем, кому понадобится. Я носился, как угорелый, руки что-то делали, а единственная мысль была одна – бежать. Любым способом. Отпроситься по надобности, содрать что-то, чтобы отпустили в лес, или прорваться с боем. Варианты на ум проходили десятками, но ни один не гарантировал успеха. И все же, бежать нужно сейчас, именно отсюда. Когда мы вновь окажемся на воде, шансов не уйти на дно с простреленной спиной будет еще меньше.

Не мне первому пришла идея бежать с причалившего суд-

на, до меня таких умников были тысячи, и после каждой попытки пиратские команды осмысливали произошедшее и принимали необходимые меры. При выходе на берег периметр сразу же взяли под контроль готовые выстрелить лучники. Выставленные часовые ждали пакостей как снаружи, так и изнутри. Несмотря на мое геройство, вызванное больше желанием выжить, чем уничтожить главаря конкурентов, за мной продолжали приглядывать, пусть и ненавязчиво. Во всяком случае, далеко не отпускали даже по уважительному поводу.

Когда на разоженных кострах уже побулькивали котелки, с «Везучего» и «Шнурка» вывели пленных, лишенных одежды и связанных, чтобы не разбежались. Трап ушкурничьей плоскодонки заканчивался на прибрежных камнях, а с большого корабля пришлось доставлять на лодке. Глаза защищало: скорбная вереница людей с опущенными лицами состояла из подростков и молодых девушек, остальных пираты перебили еще на месте.

– В середину, – скомандовал Урван.

Пленных оказалось примерно три десятка. У каждого были связаны руки и ноги, руки – крепко, в запястьях, а веревка между ногами позволяла передвигаться в стиле гейши, мелкими шажками. Испуганные фигуры скучились вокруг указанного костра, самой маленькой девчонке вручили ложку и приказали накормить всех.

– Сволочи. Кроме своей шкуры ничего не видят, ничего

святого за душой. – Кто-то из ушкурников сплюнул в сторону пленных. – Не захотели защищать свой дом – никто не защитит вас в чужом. Заслужили.

– Одно слово – спасизады, – со злостью уронил второй.

– Когда касается мужиков – соглашусь. – Несмотря на общий настрой, я рискнул возразить. – Но там же дети и даже, посмотрите, беременная...

Моя указывавшая вперед рука дрогнула. Меня качнуло. Среди девушек одна действительно была в положении.

Это была Люба.

– Женщина может взять нож и убить врага, пусть и ценой своей жизни, – ответил мне кто-то сзади. – Где такие живут, туда второй раз не сунутся, дураков нет. А кто свой зад ценит выше остального, тот не человек, а вещь. Людей уважают, вещами пользуются.

Я не слушал. Перед глазами пронеслись женитьба на дочери кузнеца, «медовый месяц» по раздельности, Любина уловка в вывешивании флагов, которые того не заслуживали...

Я же не трогал ее! Почему?! Заплатила десятину?! Но я сбежал после седьмого флага!

Полет мысли прервали пиратские вопли о зрелищах и развлечениях. Капитан дал разрешающую отмашку. Пленным вынесли рубища из рогожи, стертые до дыр рубахи и просто лоскуты рванины, в которые можно было кое-как вернуться.

Пленники напоминали сбившихся в косяк рыб. Их окружали страшные акулы, и рыбки метались в середине, толкались, то и дело задевая соседа. Малышня не стеснялась, здесь вплоть до совершеннолетия ничего не стесняются, а девушки старались забраться вглубь «косяка». Снаружи раздавался недовольный свист, следовали окрики:

– Куда, красавица?! Стоять!

Одни голоса со смехом перекрывали другие:

– Ты о чернявой? Если она красавица, то я скромник!

– Ну, тогда это точно первая в мире красавица!

Остальных веселая перепалка не интересовала, они подбадривали робких:

– Давай-давай, белка, родичей не стесняются, а мы скоро все станем родственниками. Каштанка, а ты куда торопишься? Ночь впереди длинная... Даже мы не торопимся, га-га-га!..

– Рыжка, можно помедленнее?! За тобой не гонятся.

– Уже, – сразу хохотнули откуда-то.

– Пока, – прибавили другие.

Третьи хмыкнули:

– А почему?

Четвертые подхватили:

– Потому что не видно, стоит ли гнаться. А ну, милая, давай! Да-вай!

Как я понял, клички давали по цвету волос. Впрочем, не только.

– Булочка, у тебя не булочки, а целые подушки!

– Там не подушки, там весь матрас, причем двуспальный!

Вот у веснушки – подушки!

Пираты удовлетворенно вопили, девушки теснились и быстро прятались в предоставленное им рванье. Прежние вещи у них забрали, теперь это тоже добыча. Детей и подростков отделили от представительниц прекрасного пола, которые остались жаться друг к дружке у центрального костра. Я не отрывал взгляда от Любы. Кутаясь в дырявый кусок ткани, солнечная пышка с надутым животом глядела в землю. Раньше ее волновал платок на голове, даже в ущерб остальному одеянию. Теперь – нет. Она просто была в ступоре. Волосы грязными патлами свисали до плеч, полные руки поддерживали сокровищницу, в которой ютилась новая жизнь.

Чья?! Кто посмел?! Ее захватили с убегайцами, а это значит, что в Зыряновку пришла беда. Но ведь – сбежала! Кстати, почему она одна, где Постник, Елка, Фенька, Урюпка? Постник, скорее всего, пал смертью храбрых на поле боя, иного при его характере не представить, такой никогда не станет списизадом. Урюпка – это маленький Постник, мальчугана пришлось бы увозить связанным, и при первой возможности он сбежал бы, чтоб отомстить или погибнуть. С мальчишками ясно, но девочки – где они?

Довольный гул прокатился по поляне, ушкурники образовали неровный круг. Пахло дымом и горелым мясом, с воды тянуло холодом, окружающее скрылось в темноте, мрач-

но контрастировавшей с огнем костров. Языки пламени придавали тем, кто очутился в центре, несколько мистический вид.

– Состязание! – требовательно заорали пираты.

Со вздохами и переглядыванием девушки и молодые женщины поделились на пары.

– По очереди! – объявил Урван.

В центре осталась одна пара, остальные отпрянули – злые возгласы ушкурников заставили их опуститься наземь, чтобы не закрывать вид на действующих лиц.

Две девушки не походили друг на друга ничем, кроме обреченной сгорбленности и опустошенности в глазах. Одна была низенькой и коренастой. Вторая, длинная и нескладно-худая, напоминала сложенного из спичек человечка. Девушки встали на расстоянии полуметра спинами друг к другу, животы выпятились вперед, плечи напряглись.

Урван взмахнул рукой:

– Начали!

Высокая угловато переломилась, посылая зад как можно дальше, где произошла встреча с более плотной кормой соперницы. Коренастая от звучного соударения устояла, а высокую отбросило.

– Ага-га! – разнеслось над поляной многоголосое мужское ржание. – Так ее! Вот это удар!

Параллельно раздавались недовольные выкрики:

– Кто ж так бьет? А упор? А сместить вес?

Проигравшая собралась отойти, ее остановили.

– Еще раз. Только теперь стараться и... – Выдержав паузу, поддержанный ревом своих людей капитан жестко завершил: – И чтобы зрелище было настоящим!

Пленницы в недоумении крутили головами. Те девушки из сидевших, кто знал или догадывался, о чем идет речь, с тоской опустили лица.

– Подолы задерите! – злорадно объяснили зрители.

Руки ближайших надсмотрщиков потянулись к хлыстам.

Вспомнилось недавно сказанное: «Женщина может взять нож и убить врага, пусть и ценой жизни. А кто свой зад ценит выше остального, тот не человек, а вещь». Таких, кто мог взять нож, здесь не было, они либо успешно сбежали, либо не дожили до позора. Остались только согласившиеся, что теперь они – вещи.

Соревнующиеся девушки вновь заняли позицию, поспешно подтягивая пальцами низы облезлых хламид. Поднятые до середины бедер подобия платьев на миг остановились, но дружный рев ушкурников заставил продолжить. Девушек подстегивал свист, на них выплескивались раздражение и угрозы. Зрители успокоились, лишь когда ворох матерчатых складок оказался почти на талии, а придерживавшие руки напомнили боковины буквы Ф.

– Выше! – еще кричал кто-то, но остальные уже замерли в ожидании батла.

Оголение не прошло даром, соперницы съежились, пре-

вратившись в торчавшие лохмотьями несвежие грибы на ножках. Женские ноги, в другое время привлекавшие взор, вызывали жалость, окаменевшие ягодицы – стыд.

У пиратов они вызвали довольный плотоядный смех.

– Приготовиться! – Рука Урвана взлетела к небу.

Глядя в землю, высокая и коренастая напряжинились.

– Начали!

Звонкий шлепок ударил по ушам одновременно с разнесшимся восторгом пиратов. Высокая заранее откинулась назад, это помогло. Коренастая покачнулась, всплеснула руками, лохмотья вновь упали на бедра.

– У-у! – взвыли ушкурники. – Штраф!

Они могли делать с жертвами что угодно, пленники пусть не назывались рабами, но были ими. А что полагалось рабу, который провинился?

– Какой штраф? – пролепетала коренастая.

Перед ней колыхалось море разгоряченных разбойничьих рож, в чьих глазах после долгого похода читалось единственное желание. Девушка побелела.

Урван поднял руку и, когда шум утих, объявил:

– Напоминаю: вечер только начался, еще вся ночь впереди. Советую не торопиться. Какой назначим штраф?

– Пусть теперь вообще без всего ходит! – крикнули из толпы.

Под хохот зрителей проигравшая едва ли не с радостью стянула хламиду и попыталась юркнуть к остальным плен-

ницам, сидевшим в ожидании участи.

– Нет! – взвопили пираты. – Штрафной круг! Да брось же ты тряпку!

Видавшая виды одежонка полетела в траву. Коренастая, еще больше сжимаясь и прикрываясь ладонями, побежала вдоль зрителей. Придерживаемые ладонями белые мячики подпрыгивали, ноги переставлялись смешно и нелепо, как у маленького ребенка. В стране башен я совсем забыл, что женщины, если они не воины и не спортсменки, бегают именно так. Матово светившиеся половинки крепкого за да поочередно вскидывались-опадали-переваливались, будто внутри что-то перетиралось или пережевывалось. Со стороны смотрелось забавно и, в то же время, уныло-скабрено, и вызывало желание прикрыть или полностью прекратить издевательство, но в моей власти оставалось лишь неучастие. Повлиять я не мог, а то, что мог сделать, вместо пользы принесет вред. Я просчитал возможности, и вывод был неутешителен. Надо молчать и ждать случая, когда лезть на рожон окажется просто необходимо. Не раньше.

Но и не позже.

Как бы не ошибиться в выборе момента.

Бегунья завершала круг, к ней отовсюду тянулись руки, подбадривающие шлепки сливались в один нескончаемый. Мой сосед слева тоже чувственно приложился. Его бородастое лицо поднялось на меня с удивлением, граничившим с недоверием:

– А ты чего?

– Мне достаточно зрелища.

Не хотелось говорить на эту тему. Но пришлось. Ледяные глазки соседа окончательно переместились с белокожей бегуны на меня и стали ковыряться в поисках крамолы.

– Выделяться нехорошо.

– Не выделяться еще хуже.

Зря я так. Мужика зацепило.

– Великий волк дарит отдохновение глазам и телам, грех этим не пользоваться. – Голова соседа покачалась с сомнением, лицо обратилось в стальную маску. – Не принимаешь дар Великого волка?

– Мне нравится другой тип женщин.

Меня смерил взгляд, сказавший все о моем возрасте и о глупости, от которой до неменяемости остался один шаг.

– Женщины делятся на два типа, на наших и чужих, – надменно проинформировал сосед. – Здесь все наши, а все чужие не здесь. Гляди, не прогадай, малец. Великий волк не любит инакомыслящих, он лишает их покровительства.

Плевать мне на Великого волка с высокой мачты. Я смотрел на Любу, а она – на завершившую позорный круг бегунию, которая, наконец, подняла одежду и спряталась среди сидевших девушек. Одеться проигравшей не разрешили, и единственное белое пятно среди серых невольно притягивало взгляд. Но я смотрел только на Любу. Сидя ко мне полубоком, она не оборачивалась и никак не давала понять,

что узнала. На ее месте я поступил бы так же. Чего ждать от человека, который бросил тебя, а вскоре объявился среди душегубов-разбойников? Но хоть бы какой-то знак подала. Неужели не понимает, что я – единственное спасение? Пусть бросил, пусть сволочь и негодяй, как она считает, но никто другой ей не поможет!

Или все намного проще, и она меня не узнала?

Сейчас, когда даже дозорные смотрели не туда, куда обьязаны, появилась реальная возможность бежать. Можно просто отойти, вроде бы в кустики. Все отвлечены зрелищем. Возможно, за мной даже не побегут, просто выстрелят вслед разок-другой. Не факт, что попадут. Но...

Люба. Я должен для нее что-то сделать.

Состязание продолжалось. На середину вышла тоненькая девушка. Среди прочих, кого оставили для забав, она выглядела самой убогой, забитой и худосочной. Темные волосы растрепались, тощие ножки дрожали, плаксивое личико с ужасом и мольбой вглядывалось в окружающих: «За что вы со мной так? Пощадите!»

На миг ее глаза встретились с моими.

«Ну, пожалуйста! Сделай что-нибудь, прекрати унизительное издевательство! – просил ее взгляд с угодливым страдальческим выражением. – Я отблагодарю!»

Пришлось срочно посмотреть в сторону. Похоже, она из убегайцев. Ее бы накормить, отмыть да приодеть...

Новая участница заняла место напротив спины победи-

тельницы, подол послушно вздернулся. Там, где у других примято курчавилось, открылась гладкая кожа.

– О-о! – одобрительно загудел разворошенный открытием шмелиный рой пиратов. – Как звать?

– Калинка.

– Давай, Калинка! Сделай ее!

От последнего выражения повеяло далеким домом. Им откуда только не веяло, я устал реагировать. Каждый раз находились вполне внятные объяснения и причины местного значения. Начну выяснять – влипну в неприятности, это как пить дать. Даже рыпаться не буду. Если среди пиратов обнаружится кто-то из порталных чертей, он уже настолько опиратился, что я даже разговаривать с таким не хочу.

Но присматриваться и прислушиваться буду. Чем черт не шутит?

Мысли витали далеко, а глаза, как у всех, уставились на Калинку, готовившуюся к поединку. Ее созревший возраст не позволял сомневаться, что гладкость под подолом – результат бритья. Простонародное имя, больше похожее на прозвище, и рыскающий в поисках покровителя взор намекали, что прошлое у Калинки было неблагополучным даже в лучшие времена до плена. Это наводило на мысль, что интимное бритье – не собственное решение девушки, а то и не добровольное. Фигурой Калинка походила на подростка – узкоплечая широкоскулая нескладуха, коленки да кости. Смешливые лучики вокруг рта мгновенно превращались в

изможденные морщины, стоило глянуть на них под другим углом. Ступни и голени были исцарапаны, колени в синяках, по маленьким ягодицам не так давно прошлись ремнем или палкой, если судить по длине и ширине темных следов. В общем, девчонке в жизни досталось.

Калинка замерла на миг, затем присела, сильно согнув ноги, и склонила корпус вперед. Она словно собралась сходить по-маленькому. Ее противница, наоборот, выгнулась грудью и животом, чтобы обеспечить середине тела больший размах.

– Начали!

Капитанская рука упала, и реверс победительницы сошелся с похожим на испуганно выставленные кулачки тылом соперницы. Но. Одновременно с откидыванием назад Калинка распрямила ноги, тело взлетело, словно им выстрелили, и в полете целиком обрушилось на высокую девушку.

Бывшая победительница качнулась под прилетевшей сверху тяжестью, в поисках равновесия одна ступня сдвинулась вперед.

– Калинка! – заорали пираты.

Высокую удалили, ее место заняла другая – до безобразия прыщавая толстуха с короткими коричневыми кучеряшками, круглым лицом и близко посаженными глазками. Пышный зад после оголения тоже оказался прыщавым. Понятно, что симпатии зрителей единогласно остались на стороне предыдущей победительницы, мужики есть мужики, а мужи-

кам бы только хлеба и зрелищ, как правильно сформулировали товарищи древние римляне. Хлеб ушкурники заработали (то есть, отобрали у более слабых) сами, а Калинка обеспечивала зрелищем. Причем, предоставляла его больше, чем конкурентка, несмотря на несоразмерность объемов. Зрелище – оно не в объемах.

– Ка-ли-нка! Ка-ли-нка! – скандировали зрители.

Девушка расцвела. Морщинки на лице вновь превратились в лучики, хлипкие плечи с гордостью распрямились. Прежде чем занять место у черты, Калинка несколько раз прошлась взад-вперед перед восторженной толпой, ее лицо сияло, руки победно несли задранный до пояса одежонку. Наконец, спины противниц обернулись друг к другу, и нагнувшиеся в противоположные стороны тела словно поклонились зрителям. Узкий боевой таран Калинки мог утонуть в приветливо распахнувшихся объятиях противницы, что больше походило на могучую крепость. Боковые крепостные башни посмеивались, глядя на явившегося досаждать несерьезного супостата, и готовились поглотить с потрохами. Одно дело, когда таран бьет в ворота крепости, но если ворота одновременно бьют по тарану...

– Начали!

От веса соперницы Калинку сдуло, как тростинку ураганом.

– Рано! – заорали откуда-то сбоку, а другие подхватили. – Она до сигнала начала! Победа не зачитывается! Штраф!

Был фальстарт или нет, я не знаю, не заметил, а противоречить толпе – себе дороже. Проигравшая придерживалась того же мнения и застыла в ожидании приговора.

Фантазией пираты не блистали.

– Долой тряпки, и – штрафной круг!

Все повторилось. Пышные формы пронеслись вдоль зрителей, подхлестываемые сороконожкой рук (сорокоручкой?), а липкая паутина взглядов тянулась сзади, как хвост за кометой. Пираты ревели и пихались не хуже соперниц, прыщи уже не смущали. Смачный звон ладоней по живому барабану напоминал скоротечный бой с применением автоматического оружия, эти «аплодисменты» перекрывали гогот, одна пятерня попадала по еще не убранной другой. Кто-то использовал сразу обе руки и радовался, если хоть одна достигала цели. Болтанка живого белого студня, словно присыпанного кунжутом, у большинства вызвала обильное слюноотделение. Аппетит разыгрался, тон и громкость выкриков все повышались, радостный смех давно превратился в ржание.

Оставленная без внимания Калинка даже погрузилась. Прыщавая кудряшка затмила ее. Посыпались предложения:

– Еще! Приз зрительских симпатий! Круг почета!

Пугливый взгляд толстушки, достигшей валявшихся на земле одежд, метнулся по сторонам, но перечить она, естественно, не рискнула и второй круг совершила чуть медленнее, давая пиратам возможность посмаковать ощущения. О

Калинке забыли.

– Снова не твой тип? – Сосед только что вновь припечатал ладонью по колыхавшемуся средоточию соблазна. – Может, ты не зря с Венцемиром на одном челне обретался?

– Да, тип снова не мой, а нехорошие намеки, пожалуйста, прекратите, – я говорил тихо, для усиления эффекта даже перейдя на вы, – иначе мне придется как-нибудь придушить вас ночью, когда никто не увидит.

Сосед отшатнулся, затем мясистые губы искривились в заискивающе-опасной ухмылке, как у загнанного в угол зверя, который может и подружиться, и порвать на куски:

– Малец, прости насчет Венцемира, забираю слова обратно.

Видимо, для шуток над соратниками эта тема здесь под запретом. Учтем. В моем прежнем мире она стала чуть ли не главной для большинства юмористов, если их можно назвать столь гордым титулом.

Сосед прибавил:

– Но и ты не прав. Нельзя так со своими, если ты свой.

Бугристый нос обидчиво взвился, широкие ноздри раздулись. Рядом с рослым бородатым детиной я выглядел мальчишкой.

– Тоже забираю слова обратно. Прости.

– Без претензий?

– Без.

Борода соседа вновь обратилась к волнующим мужские

взгляды сметанным берегам.

– Все же, не понимаю тебя. Разве тебе ее не хочется?

– Ее? – Я поглядел на доступное всем глазам и рукам чувственное великолепие. – Нет.

– Потому что неправильно смотришь на вещи. Возбуждает не тело, а желание его получить.

– Ее хотят получить слишком многие.

– И получают. – Сосед хитро сощурился.

– Вот-вот. Не люблю толпу, толпа всегда в проигрыше. Я единоличник. Люблю стоять в стороне и брать лучшее.

– Лучшее берет капитан. – Сосед погрозил пальцем.

– Я неправильно выразился. Не лучшее из доступного, а недоступное.

– Совсем заговорился, парень. Недоступное не берут, потому что оно недоступное.

– Тогда скажу так: недоступное понимаю тех, кто обожает доступное.

Сосед пожал плечами:

– И все же больше тянет к доступным, чем к привлекательным, это природа.

Бесцельно-глупый треп о бабах плавно перетек в нечто серьезное, если не сказать философское. Это понравилось обоим.

– Важно не то, куда тянет, – ответил я, – а то, куда идем.

На меня поднялись внимательные глаза:

– Тебя, кажется, Чапой кличут?

– Кличут, а что?

– Ядрей, – представился сосед.

Состоялось торжественное пожатие рук. Моя чуть не хрустнула. На губах с трудом удержалась вымученная улыбка. Хотя щеки уже задрожали. Еще секунда...

Тиски разжались за миг до того, как у меня из глаз хлынуло, я едва сдержался.

– Ты слишком остер на язык, – по-дружески сообщил Ядрей, – и чересчур категоричен. Это нормально для юности, но не перебарщивай. Сейчас тебе дают возможность отдохнуть и развеяться. Прими с благодарностью, не выкаблучивайся. Если в каких-то случаях думаешь по-другому, хотя бы скрывай мысли. Здесь таких не любят. Характер – это оружие, главное – не стрелять по своим. Усёк?

После моего кивка разговор прервался, его перекрыл шум происходящего.

Следующая участница не успела встать, а ликующий ор затмил предыдущие. Не девушка, а загляденье. И как она только попала в этот бедлам. Ноги от ушей, золотые пряди до талии, сама талия едва просматривалась и непонятно как не переламывались под грузом нависших цистерн с молоком. Глаза – оленьи, с поволокой, а женские выпуклости, когда открылись, даже на миг установили тишину.

– Как звать?

– Голуба.

– Го-лу-ба! Го-лу-ба!

Преходяща слава людская.

– Начали!

Калинка постаралась, но потуги совершить прежний кульбит натолкнулись на раздражение зрителей.

– Куда всем телом?! Пихаться надо, а не прыгать. Штраф!

– Но я же...

– И еще один – за возражения! Два круга!

Из князи – в грязи. Тонкие руки опустошенно стянули рубахи, злой свист погнал недавнюю триумфаторшу вдоль потянувшихся рук, как цирковую лошадь по арене.

Следы от прежних ударов покрывали тело Калинки не только на ягодицах. Полосы проходили по животу, по груди и даже по шее. Будто ее с самосвала свинцовыми трубами завалило. Но явно не трубами.

Недавняя звезда сезона померкла, ее взгляд вновь молил о пощаде и помощи. В уничижительной позе тоненькая фигурка промчалась вдоль вереницы не особо усердствующих шлагбаумов: ухватить почти не за что, разве что вразумить на дорожку, что и сделало большинство пиратов. На Калинку сыпались не флиртующе-любовные шлепки удовольствия, а удары. Кто-то пихнул кулаком. Девушку опрокинуло, и она полетела грудью в землю прямо передо мной.

В последний момент я подхватил и поставил на ноги.

– Спасибо. – На меня уставилась Вселенная, полная слез и боли.

– Пошла! – Калинку снова толкнули.

Чужой мир сломался, как раздавленные ботинком хулигана очки отличника. На месте сталкивавшихся во тьме вакуума цветных галактик образовалась одна сплошная Черная Дыра – никаких чувств, никаких красок, никакого света. Полыхнуло смертью. Увы, не смертью тех, кто довел. Это был предел отчаянья, Калинка не хотела жить сама.

Ядрей тоже поддал по хлипкому заднику, ко мне обратилась его частично беззубая улыбка бывшего бойца с трудным детством:

– Твой тип?

– Еще чего.

Ядрей, переведя глаза удалявшуюся Калинку, хмыкнул с видом взрослого, который учит первоклашку правильно переводить старушек через дорогу:

– Добро не ценится, люди от него наглеют.

– Я просто помог.

– Ну-ну. Теперь будешь расплачиваться, поверь моему опыту.

– За что?

– За все хорошее.

На втором круге он просто отеснил меня с первой линии. Тоскливый взор Калинки зря рыскал в массе тянувшихся щупалец, ударным методом обеспечивавших необходимое ускорение поступательного движения.

Потом одна участница сменяла другую, побеждали то вес, то опыт, хотя особого рвения не просматривалось. Зрителей

это нервировало.

– Нет стимула, – философски заметил кто-то. – Им все равно. Даже боятся выиграть, чтобы скорей исчезнуть с глаз долой.

Несколько голосов мгновенно перевели мысль в нечто знакомое и легко осуществимое:

– Высечь, чтоб пошевеливались!

До порки не дошло, подействовала сама угроза. Пихание стало живее, зрелище – веселее. Девушки старались, но излишнего внимания избегали, никто не желал стать чемпионкой.

Мне казалось, что для мотивации следовало чем-то награждать победительниц. Я смолчал. Придумать, как объяснить очевидный для меня факт разгоряченным пиратам, не получилось. Они знали только кнут, пряником считали отмену кнута. Что ж, своего рода тоже пряник.

Дело дошло до Любы. Время, когда не вмешаться нельзя, наступило. Я напрягся.

Меня опередил капитан.

– Фу. – Урван оглядел примолкшую ватагу соратников. – Еще родит ненароком.

– Следующая! – поддержал хор голосов.

Ноги Любы подогнулись, и она практически упала обратно в траву.

Я шумно выдохнул застоявшийся воздух. Мышцы расслабились. А колени почему-то задрожали.

Глава 6

После того как последняя пара дуэлянтов скрестила тылы и выявила победительницу, ушкурники возле меня расступились, ко мне подошел Урван. Те пираты, которые сидели на земле, поднялись на ноги и вместе со всеми обернулись ко мне и капитану. Назревало нечто серьезное.

Урван вытянул руку в мою сторону, но не указывая, как показалось сначала, а что-то протягивая.

– Это тебе.

Вместо кинжала, отправленного на дно вместе с Лихарем, мне торжественно вручили мой же Гордеевский нож работы Терентьевских мастеров.

– Заслужил. – Урван повесил его на мой пояс, ушкурники одобрительно гаркнули нужные слова во имя Волка и Священного леса.

– Урван Безухий никогда ничего не забывает. Сегодня ты герой дня вместе с Возюкой и Арцаком. Они отличились на земле, ты – на воде. Настоящий речной волк. Можешь первым выбрать трофей.

Его слова дошли до меня не сразу.

– Это честь, Чапа. – Безухое лицо капитана показало на жмущихся друг к другу пленниц.

Меня подбодрили выкриками:

– Давай, нечасто получается выбрать раньше капитана!

– Это что же... Но я... – У меня перехватило горло.

Ядрей пихнул в спину:

– Чапа, не выделяйся. Вспомни, о чем мы говорили.

А Урван посмеялся:

– Не переживай, это не на всю жизнь, а только до утра.

Ушкурники загоготали. Меня бросило в краску. Пленницы со страхом косились на нас. Вряд ли они слышали разговор дословно, но понимали, о чем идет речь. И ничего не могли сделать. Они – добыча.

«Людей уважают, вещами пользуются».

Я смотрел на Любу. А она на меня не смотрела. Узнала ли? Как не узнать, если имя горланят так, что по воде рябь идет и деревья качает. Второго такого имени не сыскать, а если найдется, то как не посмотреть, кому принадлежит?

Люба не смотрела.

– Давай, Чапа, люди ждут.

– Ее.

– Тяжелую? Ты что, крышей поехал? Ее и оставили-то для количества, на всякий случай.

– Случай наступил. Ее.

Урван хмыкнул, одна половина его изуродованного лица скривилась:

– Тебе виднее. Тяжелую, так тяжелую, другие только порадуются. Забирай.

– Куда?

Пираты снова разразились противным хохотом.

– Лес большой!

Урван напомнил:

– Чапа герой, но он новенький.

Это значило, что следить или хотя бы присматривать за мной не перестанут.

– Пусть идет на «Везучий», места много, а выход с него единственный.

Урван согласился.

– Слыхал? Бери, кого выбрал, и дуй на челн, пока завтракать не позовем. Грызь, отвези.

Один ушкурник бросил «Про меня не забудьте!» и пошел к лодке. Меня негнущиеся ноги понесли... нет, потащили к пленным.

– Пойдем, – сказал я Любе, остановившись в нескольких шагах.

На двух слогах голос срывался дважды.

Люба подняла взгляд. В нем была пустота.

– Как скажете, хозяин, – тихо принеслось в ответ.

Два других героя дня едва не подрались за Голубу. Капитан разрешил спор, забрав ее себе, а герои выхватили из толпы других красивых девчонок. Числом ушкурники превосходили пленниц, поэтому оставшихся делили на нескольких или разыгрывали в монетку. Думая совершенно о другом, я все же отметил, что монетка была обычной, местной. Чудеса отменялись. До того, как страна башен пустила реку по новому руслу, Каиново племя не было изолировано, и затертые

кулоны хранителей Последнего завета, скорее всего, принесены в долину отсюда.

Лодка довезла нас до борта, я помог Любе подняться. Ее рука была холодной, как лед, и рыхлой, как вата. Глаза по-прежнему глядели в пол. Люба в молчании просеменила до люка и остановилась. Грызть отчалил, мы остались одни на огромном корабле. Я освободил Любу от веревок.

– Только ребеночка пощадите, – заговорила она. Голос едва прослушивался, мысли сбивались, ее затрясло. – Я все сделаю, только не трогайте ребеночка, он уже пихается, он хороший...

– Люба! – Я встряхнул девушку за плечи. – Это же я!

Испуганный взгляд поднялся с пола на меня и вновь опустился.

– Я вас не знаю. Откуда вам известно мое имя?

– Любомира, это же я!

– Я Любослава. О Любомире давно нет вестей.

Меня словно ошпарило. Мне же рассказывали, что есть такая замужняя сестра-близнец из Еконограда. Но как же похожа!

– Кузнец Немир доехал до вас несколько месяцев назад?

– Трудно стоять. Можно, я сяду? Но если нельзя...

– Садись, конечно.

Я спрыгнул в трюм, через минуту вверх ударил гейзер пустых мешков и тряпок неизвестного назначения. Из собранных вещей получилось подобие матраса, разостланного на

прямом участке перед рулем.

– Можешь прилечь. Располагайся, как удобно.

Во тьме на берегу пираты осуществляли право сильного. Отблески костров выхватывали дерганные движения. Напоминало картинку из ужастиков. Казалось, что люди рвут друг друга на части и поедают. Слово «люди» выглядело неуместно и даже кощунственно. Красные отсветы придавали жути. Стервятники и мыши, финал. Нет, львы и овцы: одни рычали, вторые блеяли, каждый исполнял роль, которую определил себе сам. Нет, все же падальщики и падаль: первые клевали остатки с чужого стола, так как не завели своего, вторые согласились с низшим положением в пищевой цепочке, почему-то считая это ударом судьбы, а не собственным выбором. «Меня бьют и будут бить, пока я это позволяю», – говорит молитва в стране башен. Трудно не согласиться, когда перед глазами такое, как сейчас. Еще труднее понять и принять. Если бы кто-то дал отпор, хотя бы сделал попытку – можно вмешаться. Но как спасти людей от самих себя?

Я отвернулся.

Лежак скрипуче промялся, опустившаяся Любослава сдвинулась на краешек, оставив основную часть свободной. Тряпье, прикрывавшее ее тело, напоминало рваную простыню. Возможно, в прошлой жизни ею и было. В дыры лохмотьев проглядывала белая кожа, по которой словно прошлись наждаком. Ссадины, царапины, ранки и пятна – ни одного квадратного сантиметра, которого не коснулись люди или

обстоятельства.

Проследив мой взгляд, Люба... нет, все-таки Любослава (чтобы не путаться) оперлась рукой об пол и попыталась подняться, но я перехватил.

– Сиди!

Под моим напором она опустилась на место.

– Тогда и вы садитесь, хозяин. – Ее лицо снова смотрело в пол. Об окаменевшие мышцы можно было точить меч. – Если вы стоите, я обязана стоять. Я не хочу неприятностей.

– Никакой я тебе не хозяин!

– Вы из них? – Мах спутанных каштановых локонов указал на берег. – Значит, хозяин.

– Я не из них. Я сам по себе.

Любослава покачала головой.

– Вы с ними. Значит, хозяин.

– Не называй меня так. – Я осторожно примостился рядом. Образовалась вмятина, словно весил втрое больше. Старые тряпки не годились на роль перины. Вынужденная соседка отстранилась, как аристократка от пьяного гусара, но вздрогнула и заставила себя вновь придвинуться. – Я не хозяин, иначе ты давно была бы свободна.

– Вы хороший хозяин, спасибо вам. Но если я не буду вас так называть, меня накажут.

– Называй, как сочтешь нужным, я не хочу, чтобы с тобой или с ребенком что-то случилось.

– Чем я могу отблагодарить вас? У меня ничего нет, кроме

меня самой.

Показалось, что Любослава хочет развернуть свою хламиду. Еще чего не хватало.

– Тебе хватило еды? – быстро спросил я.

– Спасибо, хватило.

– А ребенку?

Любослава сжалась, будто ее собрались ударить.

– Простите... Ему действительно нужно больше.

В течение нескольких минут я прошерстил весь корабль, с носа до кормы и снизу доверху. Довольно результативно.

– Держи.

Перед Любославой образовалась горка всевозможной снеди.

– А вы? – Она, не отрываясь, глядела на пищу.

– Я поел на берегу. Это тебе. Э-э... ребенку.

Лишь тогда Любослава осмелилась начать есть, а благодарности продолжили сыпаться, как из прохудившегося ведра:

– Спасибо, что выбрали меня, не пожалеете. Я видела, вы сразу обратили на меня внимание, но даже подумать не могла, что вы такой хороший. Вы же не причините вреда ребенку?

Так и хотелось гаркнуть во все горло: «Я – Чапа, обвенчанный по вашим законам муж твоей сестры! Я не хочу причинять вред ни ребенку, ни тебе, я хочу спасти вас, но не знаю, как это сделать!»

Все осталось внутри.

Нельзя выдавать себя. Никто не знает, чем это аукнется.

– Я спрашивал про Немира. Он приезжал в Еконоград?

– Мы не видели отца со дня свадьбы.

Вот как. Папы перехватили раньше. Жаль кузнеца.

– Мы – это вы с мужем? Где он сейчас?

– Убит.

Теперь я обязан позаботиться о Любославе. Больше никому.

Чертово чувство долга, мама с папой, зачем вы меня так воспитали?! У меня нет выбора! У любой сволочи есть. А у меня – нет.

Хорошо это или плохо? Каждый решает сам.

Любослава полулежала рядом, облокотившись на одну руку, а второй поглаживая округлый живот. Ее сестру я фактически предал, но судьба дала второй шанс. Значит, спасибо, судьба, хоть и клянусь тебя последними словами. Ни за что не оставлю Любославу, ведь если не я, то кто же? «Поступай с другими так, как хотел бы, чтоб поступали с тобой», – увещевают, словно сговорившись, все Святые книги. Не хотелось, чтобы меня или близкого человека кто-то бросил в сложном положении. Вывод очевиден.

– Эй, молодой, все нормально? – принеслось с берега.

Кто-то махал мне рукой. Может, Урван. Или Ядрей. С палубы не видно. Я махнул ответно, там успокоились.

– Здесь мы как на сцене. – Я поднялся и потянул за собой

Любославу. – Пойдем вниз.

– Как скажете, хозяин.

Слово резало по живому, вновь захотелось ругнуться. Я сдержался. Пусть называет, если ей так спокойнее.

В трюме доспехи и оружие полетели на пол, я снова настелил лежанку, на которой мы и устроились бок о бок. Приятно ощущать тепло лежащего рядом человека. Любослава не возражала, даже чуточку льнула ко мне, будто найдя остров безопасности среди рухнувшего мира.

– Можно? – спросил я, приподняв руку и кивнув на вздутый мяч живота.

– Да, хозяин.

Я опустил ладонь на покрытую дерюгой плотную выпуклость. Внутри была тишина.

– Лучше вот так.

Любослава выдернула тканевую прослойку между рукой и кожей. Меня обожгло прикосновением к сокровенному.

Странное чувство. Под рукой словно бы зыбкая пелена, за которой растет и мужает параллельный мир. Наверное, такая же отделяет окружающий мир от далекого моего. Нас, четверых дельтапланеристов, «родило» сюда для каких-то целей. Не знаю, как с остальными, а со мной все ясно. Рожденный из чрева выносившей меня реальности, я рос и мужал, как подобает мужчине, и за небольшое время сумел стать старше на целую жизнь. Теперь мне не требовалась помощь, я мог помогать сам. Не в этом ли смысл жизни – делать все,

что можешь? Выходит, я живу. Дома не жил, там я играл в жизнь. Здесь, где жизнь играет со мной, я живу.

– Он действительно пихается? – спросил я.

– Когда рад или недоволен, а сейчас он спит.

Улыбнувшаяся Любослава накрыла мою ладонь своей, ее щека доверчиво привалилась к моему вздрогнувшему плечу.

– Ему хорошо. – Она встрепенулась: – А вам, хозяин?

Второй рукой я вернул ее лицо на плечо.

– Отдыхай. Мне тоже хорошо.

Некоторое время мы лежали, наслаждаясь маленьким отпуском из ада. Что я мог сделать для Любославы? Сейчас – ничего больше того, что делал. Можно попытаться поднять якорь. Впрочем, одному это не по силам. Но даже если. Нас понесет течением в неизвестные края. Мне неизвестные, да, а ушкурники здесь как дома, и скоростной «Шнурок» настигнет нас в два счета. Не вариант.

Еще можно проковырять доски и пустить посудину ко дну, если станет совсем невоготу. Пусть я не падальщик, но и нее падаль. «Врагу не сдается наш гордый Варяг...»

– Умеешь плавать? – спросил я.

– Плохо.

Любослава съежилась. Боится, что какую-то гадость придумаю для своего развлечения, или просто за ребенка боится? А мысль появилась такая: спуститься потихоньку за борт и – вплавь до ближайшего леса, где дать деру...

С беременной напарницей не побегаешь. И не поплава-

ешь. И вообще – не. Если главное – безопасность ребенка, то безопасней остаться здесь. Надежный пол, крепкие стены и вмняемый я рядом – самое большое, на что Любослава может рассчитывать в нашей ситуации.

– Вас зовут Чапа, хозяин, если я правильно расслышала?

Я кивнул. В ее сознании это имя не ассоциируется с непутевым зяьком. Хорошо, но наводит на мысль, что она многого не знает о родственниках.

– Можно поинтересоваться, откуда вы знаете нашу семью?

Ненавижу врать, тем не менее – надо. Правда подождет своего часа, пока не исчезнет прямая угроза нескольким жизням.

– Бывал в Зырянке гостем, – ответил я.

– Всех знаете, или только отца и Любомиру?

– Всех. Тебе неизвестно, где сейчас Елка, Постник, Урюпка, Фенька?

Голова на моем плече отрицательно мотнулась.

– Зырянка разграблена, многие убиты. О родственниках слухи не дошли. Надеюсь, что они живы. – После судорожного всхлипа последовало тихое добавление: – Что хоть кто-то жив.

– Кто разграбил? – напрягся я.

– Убегайцы.

– А папы и конязь куда смотрели?!

– Конязь из-за чего-то повздорил с папами, могла начать-

ся смута... Подоспело известие о подходе имперской армии. Мой муж ушел в ополчение, их вместе со служивыми перебросили к границе. Все понимали: убегайцев оставлять в тылу опасно. Конязь распорядился выдать им оружие и тоже отправил на передовую. До боев не дошло – одни из спсизадов сразу перебежали к противнику, другие повернули оружие против нас. Вооруженные банды заполонили страну, творили, что хотели, многие деревни вроде Зырянки перестали существовать. Какой смысл воевать с империей, если твой дом горит? Конязь отправился восстанавливать порядок, а папы за его спиной договорились с дикими и сдали страну без боя. Многие не приняли позорный мир. И мой муж в том числе. Ополчение разделилось на два лагеря. Одни поддерживали пап и подчинение па-хану, другие встали на борьбу за свободу. Вторые, то есть конязь и его сторонники, оказались в меньшинстве. Войско конязя разбило, начались гонения. Муж выжил. Он успел забрать меня из дома, но скрыться не удалось, в дороге нас схватили. Его посадили на кол у меня на глазах.

Страдалицу прорвало. Рыдания сотрясали, отчего лоб стучался в мою ключицу, а тело ходило могучими волнами. От потока слез на мне намокла рубашка. Я крепче прижал к себе пышный комок бед и нервов, несший внутри новую жизнь.

Сволочи. Почему от недоговороспособности власть имущих всегда страдают невинные? Свободной рукой я погла-

дил Любославу по волосам.

Когда плечи перестали дергаться, а всхлипошмыганья утихли, донеслось:

– Как жену врага народа, меня приговорили к высылке без средств к существованию. С другими несчастными я оказалась на этом челне, а дальше вы знаете, хозяин.

Ужасная история, но одно слово зацепило и все время отвлекало, не давая покоя. Кажется, местная москвичка убегайка Ясна главу воинственной империи называла Пар Хан, а Любослава выразилась короче.

– Ты сказала – па-хан?

Папы, пахан... Местный подбор слов удивлял не меньше, чем за рекой.

– Имперцы не называют себя империей, а императора – императором, своего властителя они зовут только этим именем: па-хан, пан Хан, Пах Хан... как-то так.

– Именем или, все же, титулом вроде конязя? – уточнил я.

Пухлые плечи Любославы кратко вздернулись: «Не знаю».

– Император назначил Еконограду смотрителя и определил дань, а его армия прошла мимо. Сколько судеб не сломалось бы, умей властители договариваться!

Я полностью согласен, но лучше сменить тему.

– Почему город так называется?

– Еконоград? По еконе Святого Николы, которая хранится в центральной базилике.

Язык чесался поправить: «В базилике!» Впрочем, мне

как-то объяснили, что название связывают с базированием пап. Не мое дело, как им называть храмы, где святостью не пахнет.

– Ты видела екону?

– Нет в городе человека, кто не видел. Чужестранцы вплоть до немцев едут посмотреть на нее. В каждой деревне есть освященная копия.

– Описать можешь?

Любослава задумалась на пару мгновений.

– Попробую. Представьте: из прямоугольного золотого оклада размером с большое окно на тебя смотрят ласковые глаза святого. Прямо в душу. Ты чувствуешь, как добр и снисходителен к грешным людям Святой Никола, как он хочет одарить каждого, кто обратился с мольбой. Но он может и пожурить. Искренняя улыбка пробивается из огромной белой бороды, взгляд окутывает радушием и любовью...

За разговором меня обволокло странным уютom, и я расслабился в неге и полном душевном покое, давно забытым в беготне и нервах последних событий. Я был сильным (пусть духом, если не телом) и принял на себя обязанность защиты, в ответ Любослава окружила меня нежным счастьем любви. Любовь предназначалась ребенку, но меня втянуло в круг радости, которую чувствовала каждая клеточка организма.

Я поинтересовался:

– Устала?

– Нет, хозяйин.

Неправильно спросил. Оттого и.

– Ребенку не пора отдохнуть вместе с мамой?

– Хотелось бы.

– Тогда, давай спать.

– Вы имеете в виду...

– Говоря «спать», я имею в виду спать!

Я нервно отвернулся от соседки, которая никак не понимала очевидного: не враг я ей и не хозяин! И ругать бессмысленно. Она заботится о ребенке, хочет, чтобы он выжил, ради этого идет на все. Нам, мужчинам, не понять. Мне проще под нож лечь, чем хотя бы раз заискивающе сказать кому-то «хозяин». Помню, как давным-давно я издевался над сотрудниками фирм, проталкивавших услуги под видом изучения общественного мнения. Едва услышав «Здравствуйте, мы проводим телефонный опрос...» (далее, как правило, шла привязка темы к скорому впариванию товара или услуги), лицо у меня расплывалось в улыбке предвкушения. Дождавшись обязательного «Как могу обращаться к вам?» (это непреложный закон маркетинга, клиент должен чувствовать свою исключительность, оттого к нему необходимо обращаться по имени), я выдавал коронное: «Хозяин. Называйте меня "хозяин"».

И ведь называли. Не все, но все-таки. Давились, злились, но алчность побеждала. Как говорил хозяин петуха из анекдота, не дай Бог так оголодать.

Возникло ощущение, что меня спиной в зефир окунули:

ко мне придвинулось нечто большое и мягкое, впитало в себя, где-то подперло, утопило в неге и окутало теплотой.

– Не возражаете, хозяин? – сказала придвинувшаяся Любослава.

– Нисколько.

Глава 7

Очень быстро настало утро. Под гогот собравшихся на палубе ушкурников я поднимался по лесенке через люк. Внезапно скрутила слабость, голова поплыла, и меня опрокинуло обратно в трюм.

Причина оказалась проста – после болезни я встал слишком рано. Следующие несколько дней я пролежал в трюме «Везучего», отгороженный от пленников, большей частью согнанных туда же. Днем их связывали, на ночь забирали с собой на стоянку. Меня не трогали. Любославу оставили ухаживать за мной, что устроило всех.

В последние дни планы Урвана поменялись. Кое-какие разговоры я слышал сам, остальное в виде слухов приносила Любослава, шепотом переговариваясь с другими пленниками. Если отсеять лишнее, то выходило, что мы пересеклись с целой флотилией, двигавшейся навстречу, то есть вверх по течению. Дикая империя собирала флот и готовилась к большой войне. Им требовалось все: суда, кони, продукты, люди. Каждый спешил воспользоваться случаем, чтоб заработать больше, и Урван тоже развернул свою потяжелевшую эскадру в обратном направлении. Теперь она включала четыре корабля – захваченная посудаина убегайцев тоже шла с нами, чем-то и кем-то груженная.

Ветер в основном был попутным, в остальное время чел-

ны шли на веслах или вдоль берега волоком. В качестве бурлаков использовали пленников.

Сердце рвалось, когда их доставляли обратно в трюм. Некоторых просто скидывали, как отработавший свое неодушевленный груз. Измученные тени, похожие на привидения, валялись с ног, других поддерживали и волокли на себе те, кто еще держался.

Особенно доставалось Калинке. Были хуже нее, были мельче, но больше не было столь невезучих. Все шишки сыпались на недавнюю кратковременную звезду состязаний. Канат ей доставался самый длинный и тяжелый, соседи – самые слабые, а удары и ругань, если что-то шло не так, – отборнейшие. Она выбивалась из сил, старалась всем угодить, в результате совсем потеряла уважение. Над ней насмехались, гоняли с различными поручениями, когда у остальных выдавалась минутка отдыха.

По ночам Калинке тем более не давали проходу. Сказывалась та самая бритость, так поразившая местных мужиков. Из своего подполья я слышал, как пираты устраивали на стоянках всяческие развлечения, имя Калинки всегда раздавалось среди первых. То девушек поодиночке выпускали в лес, а через минуту с гиканьем начиналась погоня. То кого-то из них заставляли кружить у рассеявшихся на поляне ушкурников, а затем по команде одного отвернувшегося резко падать на оказавшегося ближайшим. То кому-то из пиратов завязывали глаза, и он добывал себе пару на ночь с помощью ося-

зания: угадал – получает обнаруженный приз, не угадал – остается без сладкого. Не угадать очень боялись, а Калинка – одна в своем роде, поэтому ее уводили среди первых.

Уже на второй день пиратам надоело придумывать новые поводы радовать глаз, и проблему решили просто: у пленниц отобрали последние лохмотья. Подростки и дети теперь размещались на «Тазике» и на безымянном челне, с которого их захватили, скоростной «Шнурок» использовался как боевой корабль прикрытия, а трюм флагмана, где за шторкой обретались мы с Любославой, определили для обитания прекрасной половины человечества. Вне нашего закутка моей сиделке приходилось по общему примеру сбрасывать одежду, оставляя за ширмой, иначе отобрали бы. Когда Любослава возвращалась, я требовал одеться – ненавижу неравноправие. Я же не раздевался. В моменты, когда все же приходилось (по природной надобности), Любослава отворачивалась к ширме и скромно зажимала уши.

Это продолжалось недолго, несколько ушкурников зачем-то спустились в трюм, и несоблюдение приказа не осталось незамеченным. С Любославы сорвали последнее и посмеялись над «вздутием»:

– Там, случайно, не газы? А то, не приведи Великий волк, борта не выдержат! Кстати, молочком не угостишь? Как пойдет, ты не забудь, что мы первые очередь заняли.

Найдя то, зачем приходили, они удалились, а моя подзащитная застыла, не зная, куда девать глаза – зажмурилась,

на щеках заблестели стекавшие капли, тело дрожало от стыда и страха.

– Ну что ты? Плюнь на всех. Главное – ребенок, а с ним все в порядке. – Я похлопал ладонью рядом с собой. – Ложись. Все пережили, а это тем более переживем.

Вздрагивавшая теплота прижалась к боку и тесно окутала. Плотину прорвало – слезы хлынули потоком.

– Хозяин, почему вы так добры ко мне? – раздалось шепотом, едва плач утих.

– Потому что я не хозяин, а друг.

Казалось, тема исчерпана, но я плохо знал женщин.

– Почему? За все хорошее нужно платить. У меня ничего нет. То, что есть, вы не берете. Вам нужен мой ребенок?

Гримаса, появившаяся у меня на лице, испугала Любославу и заставила отпрянуть.

Я справился. После медленного выдоха и не менее продолжительного вдоха из горла выпорхнул совершенно спокойный вопрос:

– Твой муж был хорошим человеком?

– Очень. – Напоминание не вызвало боли, слишком много ее Любослава испытала в последние дни. Полные губы даже дрогнули в подобии улыбки, вспомнив что-то приятное.

Я буркнул:

– Хороший в мире не только он.

– Но вы – один из них, – полное лицо с ненавистью взглянуло в дощатый потолок. – Я верю в то, что вижу. Меня часто

пытались убедить в самом разном, для меня вроде бы приятном. Как правило, это кончалось плохо.

– Повторяю: я не из них, а среди них, при первой возможности наши пути разойдутся. – Горестный вздох был ответом. Я мысленно стукнул себя по лбу и пояснил: – Под «возможностью» я понимаю спасение тебя из лап ушкурников.

После краткого замешательства мягкая рука опустилась на мою грудь, пышные ноги и живот повозились и устроились более уютно.

– Как же хочется верить.

На одной из стоянок пираты почему-то задействовали для игр «Везучего». То ли местность подкачала, то ли капитан боялся конкурентов, которые недавно нас обогнали. Чужой капитан почти хозяйским глазом окинул трофеи Урвана, а выражение лица яснее ясного сказало о мыслях. Урван вроде бы шутливо погрозил кулаком, тот с улыбкой развел руками. Разошлись миром. Все же, оставлять огромный корабль вдали от себя ушкурники не решились, и веселье перенеслось на борт. Теперь соседка жалась ко мне под грохотом множества ног, носившихся по палубе. Я, как мог, успокаивал, поглаживая новую жизнь, а уши работали локаторами.

Сначала пираты объявили «расставлялку». Капитан командовал:

– Выстроиться в шеренгу!

Пленниц выставили в центре палубы, они толпились, не понимая, чего от них хотят и что может означать загадочное

слово «шеренга». Нужным знанием обладали только две девушки, они сориентировали остальных. Построение закончилось за миг до того, как в воздухе свистнули кнуты, и подбадривающие крики не успели перейти в брань.

Команды всех судов, пришвартованных бок о бок, в полном составе облепили борта «Везучего». Даже на мачте, по моему, висели.

По жребию (не знаю, как именно, снизу не видно, и способ остался неузнанным) ушкурники распределили между собой очередность. Капитан объявил:

– Первое: по росту.

Взбурлило движение. Пират, которому выпало расставлять девушек в нужном порядке, метался из конца в конец шеренги; девушки, судя по топоту, тоже не стояли на месте. Передвижению по палубе речной ладьи, пусть и немалой по местным меркам, мешали скамьи для гребцов, уложенные весла и мотки канатов. Доносились постоянные удары обо что-то, девушки спотыкались, пират ругался и толкался. На выполнение задания ушла примерно пара минут. Видимо, наверху сверились с чем-то вроде песочных часов.

– Успел! – сообщил Урван.

– Да что там... – проговорил первый участник, странно совместив в голосе удовлетворение с унынием. – То ж по росту. Будь что другое, так я, может, и не торопился бы.

Вокруг загоготали. Капитан выдал задание следующему:

– По цвету глаз!

Этому пришлось хуже. Он носился как резаный и в положенное время не уложился, чем заслужил позорный свист.

Третье задание:

– По цвету волос!

Здесь движения оказалось много, но участник справился. Следующий, которому досталось «По длине волос», тоже, а очереднику не повезло.

– По грязноте ногтей!

Над ним хохотали до последней секунды, а затем установилась тишина.

– По размеру груди! – разнеслось над палубой.

Теперь никто не потешался, все молча завидовали. Судя по доносившимся сверху комментариям, в определении размера участвовал не только глазомер. Девушки иногда охали и попискивали, пираты только вздыхали.

Несопоставимая разность заданий никто не возмущала, что намекало на некий устоявшийся порядок. Жребий определил очередность, и каждый, видимо, уже знал, как именно ему придется строить девушек, по какому критерию. Зрители с ликованием встречали и провожали участников, с чувством болели за каждого и ждали своей очереди.

– По длине пальцев! – улетало над водой в неведомые спящие окрестности.

– По размеру носа!

– По кривизне носа!

– По длине ног!

- По ширине плеч!
- По выпуклости попы!

Номинация вызвала наибольшее оживление. Комментарии вгоняли в краску, зрители с трудом удерживались на местах.

Дальше напряжение схлынуло, но веселье не прекращалось.

- По количеству прыщей!
- По узости талии!
- По толщине бедер!
- По цвету кожи и степени загара!
- По размеру ступни!

А затем:

- По красоте!

Самый страшный для девушек конкурс. Каково было тем, кто оказался переставленным в хвост?

Следующая номинация тоже ударила по женскому самолюбию:

- По красоте груди!

Чуть ли не самый долгий конкурс. Зрители активно помогали советами, счастливый очередник огрызался и делал по-своему. Объективной оценкой не пахло. О вкусах, как известно, не спорят. Насколько я понял из своего убежища, большинство смешивало понятия красоты и объема, а расставляльщик имел собственное мнение. Кто-то его поддерживал, кто-то злился, остальных происходящее просто заво-

дило.

Следующий тур еще больше раззадорил. Зрители сходили с ума от подзуживающего рева, участник делал дело молча, обстоятельно, не торопясь. Отведенное время давно вышло, но ни один голос не высказался за ускорение распределения пленниц по мягкости части тела, задействованной в предыдущем конкурсе.

Затем пошло более активное:

– По быстроте приседания!

– По размаху рук!

– По широте открывания рта!

В небольшом перерыве в люк склонилась голова:

– Чапа, ты как? Поучаствуешь? Вылазь хоть на минутку из своей вонючки, глотни воздуха, посмотри на людей!

Кажется, это голос Ядрея. Заботливый голос. И, одновременно, с подвохом. Любославу будто в мясорубке прокрутило. Если я выйду один раз – значит, смогу и два. И все, конец спокойствию.

– Рано мне гулять, – бросил я с места. – Еще болею.

– Как хочешь. Впрочем, тебе там тоже не скучно.

Через миг в проеме очертился другой силуэт, на этот раз безухий.

– Не желаешь присоединиться?

– Слабость. Я бы с радостью, но лучше отлежусь.

– Тоже правильно.

Задания расставлялок закончились. Последовал вариант

угадайки, который здесь именовался выбиралками: несколько ушкурников с повязками на глазах ловили и на ощупь узнавали пленниц. Девушкам тоже завязали глаза. Палуба ходила ходуном, шарахавшихся в стороны пленниц отпихивали обратно в центр, где они сталкивались, спотыкались и едва не ломали ноги. Ушкурники намного ловчее передвигались по палубе.

То и дело кто-то из пленниц проваливался в открытый люк, что вызывало шквал хохота. Упавшая трясла головой, терла ушибленные места и нехотя, но быстро поднимались обратно на палубу. В противном случае слышался свист кнута и, затем, крик боли. Но когда свалилась Калинка, этого не произошло. Тщедушное тельце кубарем прогрохотало по лестнице, на ступеньках и перекладинах отметилась почти каждая часть тела, включая затылок. Встречу с досками корабельного днища сопровождал глухой стук. Ни звука не вырвалось из открывшегося рта завалившейся набок головы.

Силуэты сразу нескольких голов обрисовалось в проеме люка. Недвижимая фигурка с разбросанными руками вызвала у них единственное чувство – неудовольствие.

– Минус одна, – сказал кто-то.

Игра возобновилась с того же места.

Моя попытка прийти на помощь упавшей девушке не прошла, несокрушимая пышная стена остановила и поглотила, как варенье пчелу.

– Увидят. – Любослава оторвалась от меня, только до-

здавшись понимания. – Я сама.

Низкий потолок мешал. Приняв согбенную позу и грузно переваливаясь, моя сиделка прокралась вокруг проема по дуге и склонилась, прижав ухо к расцарапанной грудке. Упавшая Калинка напоминала сломанную куклу.

– Дышит, – сообщил мне горячий шепот.

Глаза Калинки распахнулись. Лучше бы я не смотрел. Паника и страх, помноженные на страдание. И ничего нельзя сделать.

С жалостью погладив Калинку по голове, Любослава вернулась и снова прижалась ко мне. Калинка вновь зажмурилась. То, что происходило сверху, внушало ужас им обеим.

На палубе текла своя жизнь. Девичьи имена уже не составляли тайны, примелькались, поймавший тщательно ощупывал добычу, после чего выкрикивалось имя. Угадавший под дружный рев собратьев отправлялся с трофеем на берег, невезучих сменял выбранный жребием очередник.

Пленниц оставалось все меньше, страсти накалялись. Кто-то грозил кому-то, звякал металл, до смертоубийства не доводило только вмешательство капитана. Урван сделал свой выбор вне конкурса, но на берег не отбыл, ситуация требовала остаться на борту до конца. Когда увели предпоследнюю пленницу, осталось еще с десятков пиратов. При взгляде на оставшуюся понеслось нытье:

– Это же прыщ на ножках! Всех лучших разобрали! Где справедливость?

– В Священном лесу изобилия, – хохотнул отбывающий.

Плеснули весла, вслед полетели проклятья.

– Кое-что забыли, – сообщил голос Урвана.

Светлое пятно проема в трюм перекрыл абрис головы без ушей.

– Очухалась? – Не разобрав в темноте, капитан объявил оставшимся ушкурникам: – Если мертва – за борт, если нет – она ваша.

И Калинка пожалела, что так долго отлеживалась.

Глава 8

Всю ночь мы вздрагивали от криков. Девушек вернули в трюм под утро. Даже не спустили – сбросили. Любославу так трясло, что она не смогла заставить себя выйти под луч прожектора, которым сейчас являлся люк. Я понимал. Если она попадется на глаза разгоряченным ушкурникам, никакие увещевания не помогут. Потом найдутся доводы, оправдания, ее же сделают виноватой.

Пленницы сами приводили друг друга в чувство. Потихоньку подвезли остальных, и судно отправилось дальше. По ходу плаванья Любославе приходилось подниматься наверх. То мой горшок вынести, то самой сходить «до ветру», то просто воздуха глотнуть, чтобы голова не кружилась. А она кружилась, и довольно часто.

Каждый выход становился испытанием. На палубе никому не давали прохода. Все незанятые руки обращались в пиявок, множившиеся монстры тянулись к вынужденно поднявшимся и присасывались, присасывались... Любую вышедшую по нужде пленницу пираты пихали друг к другу, по их приказам бедолага ползала или танцевала, ее заставляли ходить зигзагом или влезать на мачту. Девушку могли уронить. Могли обласкать и оскорбить, причем одновременно. Когда пленница достигала грани отчаяния, ей милостиво разрешали воспользоваться походным туалетом.

Между стоянками отхожим местом служила доска с дыркой посередине. Доску выставляли за борт. Вспомнилось, что на больших судах таких ставили по две – экипаж большой, а пища в дальних плаваниях часто выходила за рамки усвоения организмами. Именно от тех двух дырок в досках появился старинный международный значок ватерклозета – два овала. А вовсе не.

Время от времени ушкурники намеренно шатали доску, затем с хохотом вылавливали и вытягивали «улов» на канате. Голуба и прочие красавицы ни разу не вышли наверх без того, чтобы не искупаться. Если внешние условия позволяли, за ними бросалась за борт большая часть команды. Поднимание на палубу затягивалось, каждый считал именно своим долгом посадить или принять купальщицу, что вело к выяснению отношений. Зачастую выяснения заканчивались вызовом капитана чтобы не дошло до увечий и большего. Удивительно, но через минуту едва не покровсавшие друг дружку ушкурники вместе весело обсуждали, как здорово провели время.

На обратном пути приходилось повторно выдерживать активность превращавшегося в осьминогов экипажа. Вернуться без своеобразного «круга почета» было невозможно, обойденные могли обидеться и выказать обиду кулаками. Пихание усиливалось, каждый стремился шлепнуть, ущипнуть и пожать. Возникла конкуренция, вновь вспыхивали споры и ссоры. Заключались пари, в которых объек-

том приложения и, в конце концов, виноватой всегда была пленница. Футбол живым человеком длился долго, команда знала, что теперь несчастной спешить некуда. Возвращение приравнялось к попаданию в рай.

До первого вздоха. Затем снова хотелось наружу, на любых условиях. Невозможно передать спертый запах трюма, который никогда не проветривали. Сморд, пот, грязь, зловоние... Мы этим дышали. Мало того, мы в этом жили. Достаточный вклад в букет вносила гнилостная жижа, вечно покрывавшая дно. Щели между досками обшивки были законопачены паклей и смолой, но вода находила пути. Капельки превращались в ручейки, их приходилось вычерпывать ковшиками и в деревянных бадьях поднимать наверх. Эта обязанность тоже легла на изнуренные плечи пленниц.

Любослава в меру сил помогала. Походы наверх давались ей тяжело. Живот мешал подниматься по лестнице с перекладинами, а опасения за ребенка заставляли не делать резких движений и не поднимать неподъемное и полногабаритное. Когда она бралась за что-то, ей помогали другие пленницы. Вместе кое-как справлялись. Я наблюдал из-за своей ширмы и не мог вмешаться. Моя затянувшаяся болезнь – залог безопасности Любославы. Приходилось терпеть.

Однажды ко мне спустился Урван. Любослава от его взгляда метнулась за ширму. Капитан осмотрел меня и потрогал лоб шершавой ладонью.

– Поправляешься? – Подстилка с хрустом просела под тя-

жестью его тела. – Чапа, мы раньше не встречались?

Ушей у капитана нет, но голос он запомнил. И почти узнал. Или узнал и скрывает?

Нет, жесткие глаза сомневались, в них что-то смутно проклевывалось, но не больше. Память Урвана ничего не выдавала, как он ни вглядывался в мое лицо.

– Может, где-то пересекались. – Я пожал плечами. – Но вас мне видеть не приходилось, это точно. Я бы запомнил.

Капитан не обиделся, безухость давно стала его фишкой, отличительным знаком.

– Ремеслами владеешь? Мне нужно знать, где принесешь больше пользы.

– Был учеником кузнеца.

– На утвари или по оружию?

– Больше по доспехам.

– Неплохо. – Капитан задумчиво пожевал губами. – Читать-писать умеешь?

Я кивнул. Одна из капитанских бровей взлетела:

– Вот как? Чем еще удивишь?

Я не клоун, хотелось сказать. Не успел, что к лучшему.

– Урван, застава! – позвали сверху.

Капитан поднялся.

– Считать тоже умеешь? – Он сгорбился под низким потолком и стал пробираться к лесенке. – В двух мешках по четыре дюжины орехов по три с половиной деньги за штуку. Сколько всего?

– Двенадцать на четыре... – Я закатил глаза. – Сорок восемь на два... Девяносто шесть на три с половиной... Половина от девяносто шести – сорок восемь, а три по девяносто шесть это... это... около трехсот. Всего не больше трехсот сорока, точнее могу позже сказать, нужно немного подумать.

Урван расплылся в улыбке.

– Выздоравливай.

Снаружи проплывала известная мне застава, где собирали плату и досматривали суда и где конязь казнил Никодимовцев. Я вспомнил бурную стремнину, через которую, как по шлюзу, корабли могли пройти лишь поодиночке. С пригорка на реку, почти полностью заваленную скалами, смотрела деревянная крепость, откуда при желании и фантазии гарантированно уничтожалось любое судно. Не опасно ли проходить узкое место с захваченным на берегу живым грузом и другими свидетельствами нарушения всех писаных и неписаных правил? Кто владеет крепостью сейчас?

Я знал: застава здесь одна, а если имеется другая, то далеко внизу по течению или где-то дальше за первой. Появись у сбежавшей Марианны желание вернуться в страну башен, она пришла бы сюда, на противоположный берег течение выносит только с этого участка.

– Слабость у меня уже не очень сильная, – обратился я к уходившему капитану, – могу помочь, чем смогу.

С борта видно многое. Наперекор течению иначе как на ручной тяге горловину не пройти, никакие паруса и весла не

помогут, только канаты. Что, если Любославу как-то выпроводить вместе с остальными на берег и, если начнутся разборки с местными или неместными, сигануть за борт?

Дурацкий план. Но хоть какой-то. И ничем не хуже прочих.

Как бы ни хотелось взглянуть на крепость, но нет, нельзя. Если ухаживавшую за мной Любославу вместе с другими девушками отправят работать бурлачкой, она потеряет ребенка.

– Впрочем...

– Вот именно, «впрочем», – отсек Урван. – Рабочей силы хватает, а твоя голова мне скоро понадобится, и она должна быть здоровой.

Он взбежал по вертикальной лесенке на палубу.

Со стороны крепости никто не пришел – ни за деньгами, ни для вопросов проезжающим, ни для помощи, на которой тоже можно было заработать. Для борьбы с мощным течением потребовались силы всей эскадры. Пленницам ради этого вернули лохмотья – пираты не желали показывать товар возможным конкурентам, которые могли оказаться выше порогов.

Челны перетаскивали по одному, навалившись всем скопом. Естественно, гигантский по местным меркам «Везучий» потребовал максимальной отдачи.

– Эй, ты! – позвала Любославу из люка чья-то бородатая морда. К тому времени все, включая детей, уже впряглись

в буксировочные канаты. – Хорошо устроилась. Жратву и ножками отрабатывать надо, а не только между. Вылазь!

– Сидеть! – рывкнул я, когда Любослава, вздрогнув, беспомощно поднялась и собралась идти к лестнице.

– Чапа, много на себя берешь.

Говорившего я не знал, а теперь еще и ненавидел.

Другие ушкурники прислушивались, кто-то со смехом комментировал сценку, предлагая варианты того, что случится дальше. На меня не ставил никто, но беременную жалели. Это вызывало хоть какую-то симпатию помимо чувства желания в руки автомата Калашникова.

– Пусть потягает со всеми, развеется, свежим воздухом подышит, – продолжил бородатый. – Не все с тобой сюсюкаться да горшки выносить.

Любослава действительно ухаживала за мной как за маленьким. Я сопротивлялся, но логика подсказывала обоим: если выйду на палубу хотя бы для помочиться, меня перестанут считать тяжелобольным. Это сразу скажется на Любославе. Сейчас за нашу ширму из дырявой рогожки никто не совался, и мы негласно тянули время как могли.

– Забыл, – бросил я, – напомни, как тебя кличут?

Бородатый на миг застыл, и остальные на палубе, кто прислушивался, тоже притихли.

– Моржук. Зачем тебе?

– Чтоб больше не забыть.

Тишина установилась такая, что плеск мелких волн о борт

превратился из фона в главную мелодию.

Моржук отпрянул. Как оказалось, уступил место подошедшему капитану.

– Чапа, ты не прав, – резко сказал Урван. – У нас каждый зависит от каждого, и если один перестанет доверять спине другому, заработок на этом кончится.

Заработок. Так они воспринимают грабеж, насилие, убийства и пленение для продажи в рабство. Я рад, если он кончится. Все для этого сделаю. Спасибо за идею.

– Моржук, ты тоже неправ, – продолжил Урван. – Если девчонка надорвется и окочурится, тот же горшок за большим кто носить будет? Ты?

– Найдется, кому, полные чердаки лишних ртов везем, – пробурчал Моржук, а я в очередной раз напомнил себе: чердаки, не трюмы. Не забывать.

– Сегодня – рты, а завтра – деньги, – возразили ему с разных сторон.

– И сегодня тоже не только рты, но и ноги. – Капитан махнул безухой головой в сторону берега.

– И ночью не только, – гоготнул кто-то.

– Объявите друг другу, что без претензий, и хватит об этом. – Урван сложил руки на груди, на лице застыло выжидающее выражение.

– Без претензий, – послушно буркнул Моржук.

Видимо, от меня ждут того же.

– Без претензий, – сообщил я со дна чердака.

«Со дна чердака». Фи.

– Отлично. – С чувством выполненного долга Урван удалился.

Он успел сделать пару шагов, когда от Моржука глухо прилетело:

– Тогда есть претензия к капитану.

Плеск воды снова начал солировать. Команда словно испарилась или обратилась в бесплотные образы, а дышала не через шумные носы, а напрямую кожей.

– Говори, – донесся голос невидимого мне сейчас Урвана.

– Мы все равны, так?

Хорошо начал. Работает на публику. Вслух правоту никто не подтвердил, но внутри все сразу приняли сторону говорившего.

– Почему одному такое предпочтение? – продолжил Моржук. – Если девка нравится, пусть выкупает, и дело с концом.

– А если бы заболел ты? – бросил кто-то.

– Я болел, мне живой грелки не давали.

– Ты не просил, – засмеялись на палубе.

– Короче, я сказал.

Ушкурники замерли в ожидании ответа капитана.

Мое плечо, в которое впились пальцы Любославы, ныло, она пыталась вжаться в меня, спрятаться, другой защиты у нее не было. Я обнял и крепко прижал ее к себе.

– Не бойся, – шепнул в ухо. – В обиду не дам.

– Мне все равно, главное – ребеночка...

Всхлипы едва не помешали услышать капитанскую речь. Пришлось превратить объятия в захлопнувшийся капкан.

– У каждого есть доля в добыче, добычи много, за один только «Везучий» отвалят, сколько еще не видели, – говорил Урван. – Но нельзя бросаться еще не выделенными долями до раздела, пока полностью не окажутся на руках. На руках у всех. После – ваше право, делайте, что хотите.

– Истинно! – поддержали ушкурники.

Моржук нашел, что ответить.

– У Чапы есть нож работы Терентьевых.

– Чапа заслужил.

– Разве кто спорит?

Моржук умел строить речь, чтобы вызвать симпатии. Даже завидно. С таким умением он однажды на месте безухого окажется. Для капитанской должности важны не доблесть или жестокость, и даже не коварство. Главное – умение запудрить мозги и вывести ситуацию к собственной пользе.

– Благодаря Чапе «Тазик» с товаром остался нашим, – вещал Моржук, и попробуй с ним не согласиться. – Мы это оценили. У Чапы появились личные ценности. Разве не справедливо, если за пользование общественными ценностями он поделится личными?

Красиво завернул. Видимо, нож очень приглянулся.

– Готов отдать нож, – громко объявил я.

Пышная теплота Любославы затряслась в моих объятиях от рыданий. Пришлось снова сжать. Подействовало.

Кто-то вступился:

– На берегу за такой нож дюжину девок дадут, да еще при-
платят.

– Мы не на берегу, – огрызнулся Моржук.

– Не на берегу, – подтвердил Урван. Голоса умолкли. – Если предложение Чапу устраивает, а мы слышали, что устраивает, пусть Терентьевский нож вернется в общее, а к тяжелой девке Чапа может выбрать еще одну. Остальное уйдет за их питание и содержание.

– Справедливо! – загудело большинство.

Чувствуется, ножик действительно ценный. Что ж, минимум две жизни он спасет.

– Решено. Без претензий?

– Без претензий! – радостно заявил Моржук.

Нож вновь ушел.

По возвращении падавших от усталости пленниц от меня потребовали выбора. Лучше бы это сделали за меня. Или не произносили вслух при людях, которых превратили в скот. Им подарили надежду. Десятки глаз – смертельно-усталых, больных, зовущих, сиротливо-кротких, умоляющих, безумных и даже наивно искушающих, пытающихся продать себя в более сносные условия за любую цену – взирали на меня как на спасителя и ждали чуда.

Взгляд споткнулся о скукожившуюся Калинку. Она до сих пор не отошла от «субботника» после выбиралок, а ее по-прежнему не щадили.

– Ее. – Я указал пальцем.

– Забирай. В расчете.

За ширмой нас стало трое.

На ночь Калинка заняла место по другую сторону от меня, и я оказался в приятных тисках. В очень приятных, если честно. До приторной противности.

– Хозяин, могу я что-то сделать для вас? – Новое имущество ревниво глянуло на расплывшуюся Любославу, которая по-хозяйски освоила мой левый бок.

Я вспомнил ночь на палубе с участием Калинки и сказал, почти выплюнув:

– А тебе сейчас хочется что-то сделать?

Угодливая улыбка расплзлась между ее ушами:

– Какая разница? Приказывайте! Мы из-за ширмы видели, что тяжелая вам не интересна. Я не такая!

– А какая?

Мою щеку опалило дыханием:

– Для вас – любая!

Вот оно как, оказывается, быть рабовладельцем. Поздравляю, Василий Иванович, с почином.

– Тогда сразу расставлю точки над... – Пришлось закашляться, ведь «и» здесь без точек. – Над «ё». Кстати, ты грамотная?

– Не. – Довольная Калинка подтвердила сказанное мотанием всклокоченной головы.

– А ты? – Я обернулся к Любославе.

– Зачем?

Однако, весело. В присутствии моих девушек точки можно ставить над любой буквой, это никого не смутит. Впрочем, я хозяин, мне по-любому можно ставить их как угодно.

– Значит, так. – Я снова обратился к обеим. – Передо мной не лебезить, не навязываться, не называть меня «хозяин», когда мы наедине. Мы друзья.

Челюсть Калинки отвалилась, она глянула на Любославу. Та подтвердила, что да, у нас так.

Калинка тупо моргнула.

– Как же вас называть? – прошептала она прямо в ухо, щекоча волосами.

– По имени.

– Спасибо!

В щеку прилетел поцелуй – влажный, долгий, горячий. Я вытер обмусляканное ладонью. Мою руку перехватили, поцелуи стали покрывать ее снизу доверху. Я отдернул.

– Сказал же...

– Не лебезить и не навязываться! – радостно протараторила Калинка. – А я не это, которое то, что вы запретили. Я из благодарности!

– Друзьям достаточно слов.

– Мою благодарность не выразить словами!

На своей стороне фыркнула Любослава. Калинка хотела возмутиться и что-то добавить, я перебил:

– Друзья не нуждаются в благодарности. Закрыли тему.

В общем, перед чужими не открываться, мы просто играем роли, пока не окажемся вне досягаемости ушкурников. На берегу найдем безопасное место, я помогу вам устроиться и отправлюсь дальше. Больше об этом ни слова, ясно?

Лоб Любославы ткнулся мне в плечо, что означало кивок, и левую сторону тела обволокло теплотой, как мягким пухом. А соседка справа не успокоилась:

– А вы, хозяин... Чапа, куда вы потом?

– Нужно найти одного человека.

– Могу пойти с вами и помочь. Не подумайте, я не буду обузой, я пригожусь!

Калинка еще сильнее налегла на меня боком. Она приложилась так плотно, что по тыльной стороне ладони царапнуло щетинкой. Моя вытянутая вдоль тела рука попыталась отдернуться, но, увы, было некуда. Калинка заметила мое движение и задавила позыв новым нажимом, решив, что лучше знает о моих желаниях и потребностях.

Самое обидное, что неправой она не была. Потребности имелись. И желания, само собой. Куда без них, если лежишь меж двух представительниц противоположного пола, выступающих в качестве грелок и укрывашек. Организм реагировал как положено в таких случаях. Меня едва не кинуло в нерассуждающий омут безумия. Трудно передать, чего стоило сдержаться.

Усилие воли вызвало перед глазами Зарину. Печальный взгляд, родные черты, золотые локоны...

Все встало на места.

– План озвучен, и он не поменяется. – Я сурово глянул на соседку, так стремившуюся одарить нового хозяина, который стал единственной защитой от прочих. Затем не вытерпел: – Прости за странный интерес... зачем ты удаляешь волосы?

Лоснящаяся гладкость там, где у других – суровые леса или разноцветные газончики, давно нервировала взгляд. Дни шли, а ничего не менялось. Она продолжала бороться с природной растительностью, в чем ей кто-то должен был помогать. Хотя бы клинком, ведь бритв здесь не знают. Просто так пленнице нож не доверят.

– Вам не нравится? Скоро все зарастет!

– Хозяин спросил «зачем», – напомнила Любослава.

– Меня заставляют. – Калинка опустила глаза. – Э-э... заставляли.

Я спрашивал не о том. Сам виноват, не умею правильно формулировать.

– Как ты попала сюда в таком виде?

На языке вертелось, множилось и готовилось убежать продолжение: «Кто научил? Кто, вообще, это придумал? Где такое видано, кроме мира, откуда я родом? Ввел кто-то из моих земляков? Кто?! Где?!»

– Начну с того, что я дочь Еконоградского конязя.

– Дочь конязя?!

Ни фига себе абзац. Что ни день, то открытия.

– От наложницы, – пояснила Калинка с грустью и разложила мне, абсолютному незнайке, который словно с луны свалился, ситуацию по полочкам.

Издревле установилось, что раз в три года благодарный народ дарит коняziu новую наложницу. В реальности правитель, конечно, выбирает сам. Прежнюю забирают папы, о ней больше никто никогда не слышит. Законные наследники коняzia имеют право избрания на престол, а детей наложниц при рождении отбирают у матерей. Папы распределяют их в крестьянские семьи на условиях анонимности. Дети растут, со временем узнают про отца, а имя матери сразу и навсегда вычеркивается из истории. До выбора профессии не доходит: в нужное время приходят папы, и жизнь круто меняется. Подросшие бастарды становятся доходным товаром. Многие местные и гости хотят заполучить родную кровь правителя, некоторые – из честолюбия, чтобы им прислуживал родственник того, перед кем сами пресмыкаются, другие для утех по той же причине, третьи именно из-за крови для каких-то опытов – говорят, среди магов и других ученых (Калинка выразилась именно так) кровь правителей очень ценится.

Рассказчица совершенно не понимала кошмара такой жизни, глаза ей застилали картины сказочных поместий магов и состоятельных господ, которые могут себе позволить содержать невольников.

– А меня несправедливо забраковали и выгнали! – возму-

щалась Калинка. – Говорят, обманули, подсунули не ту! С какими-то записями мои приметы не сошлись. Понятно, я же изменилась за столько лет!

Любослава осторожно вставила:

– В семье крестьян, где ты воспитывалась, дети не погибали?

– Какая разница?! Я – дочка конязя, а меня вышвырнули, как шелудивую козу!

Слева от меня раздался вздох, объясняющий, что вопросов больше нет.

– Ту семью казнили за обман, а меня выставили за ворота! – Калинка до сих пор не могла успокоиться. Ее глаза напоминали огнеметы, кулачки готовы были бить и кромсать. Случившееся в детстве отравило жизнь и настолько въелось в сознание, что отвергало здравый смысл. Аргументов Любославы Калинка даже не услышала. – Потом меня подобрали служивые, я жила на заставе, в конюшне пряталась от проверок начальства. Солдаты кормили, они и обрили с головы до ног в первый же день – от насекомых, которые жутко кусались. Удалять волосы меня заставляли, а потом стало привычкой. Теперь я плохо себя чувствую, когда что-то колетса и мешает.

Как всегда, сложное на поверку оказалось проще некуда. Никаких вывертов моды двадцать первого века. Обычная гигиена.

– Когда заставой овладели убогайцы, меня обнаружили, а

когда их выбили, я была выдворена за пределы страны как пособница. Разве справедливо?

– В мире нет справедливости. – Я зевнул, чтобы закончить разговор.

Меня волновала судьба Марианны. «Наложницу забирают папы, о ней больше никто никогда не слышит». «Детей наложниц при рождении отбирают у матерей». Знала бы это Марианна, когда планировала побег.

Очень надеюсь, что так и не узнала.

Глава 9

Я все еще притворялся больным, но затягивать не стоило. Сверху периодически доносился ропот.

– Не слишком ли сказочно устроился наш одноразовый герой? – слышался голос, похожий на Моржуковский.

Не настаиваю, что голос именно его. Так же, как Моржук, думали многие, и язвительные обвинения падали неоднократно.

– Если не проболеть до конца, будут осложнения, а потом – за борт, – ответил голос капитана, в котором сквозило укоризненно-назидательное выражение. – Хочешь, чтобы однажды так поступили с тобой?

На некоторое время вопрос исчерпывался, но только на некоторое. Зависть – слишком распространенное чувство. К тому же, умением отлынивать мог похвастаться любой, потому все прекрасно понимали ситуацию, поставив себя на мое место. Счастье, что спорить с капитаном никто пока не решался.

Урван снова спустился ко мне поговорить.

– Выглядишь хорошо, – сказал Урван, когда глаза привыкли и внимательно вгляделись.

Мои сиделки мигом испарились, отправившись в глубину трюма к прочим пленницам.

– Можно вопрос?

– Сколько угодно. – Урван уселся поудобнее, благодушное выражение лица сообщало о прекрасном настроении.

– Места, где живут Терентьевы и Афонины, мы уже миновали?

– Это по другую сторону реки, в предгорьях. Мы к ним не заходим, пристань открыта только для торговли.

– А мы сейчас не налетчики, мы с товаром, – намекнул я.

Итак, река ушла от гор, и оба берега снова обитаемы. В голове начала рисоваться карта.

– Соображаешь. – Урван на миг задумался. – Нет, сдадим все одному покупателю, братве.

Спрашивать ли про братву, кто и что это? Только не Урвана. И не сейчас, когда все идет хорошо. Подозрений и так достаточно.

– У Афониных с Терентьевыми оружие бесподобно, сам знаешь, – голос капитана качнуло в мечтательность, – но с ними можно только на равных. Чуть что не так – уходят в горы, откуда не выковырять, а на обидчика оружейников ополчаются все, и нигде ни приюта, ни чести. Не стоит их оружие, чтобы за него честью платить. Дорого. Ты считать умеешь, поймешь.

«Дорого» ушкурник считал в потерях живой силы и, в случае провала, авторитета. Так и подмывало поинтересоваться: а просто купить не пробовали? Возможно, вышло бы дешевле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.